Щипач

Автор:
Юрий Корчевский

Щипач

Юрий Григорьевич Корчевский

Боевая фантастика (АСТ)

Позади ученичество у старого алхимика, зачарованная башня и поиски древнего артефакта. Впереди исковерканный магический дар, наследие темных волшебников и странствие в неизвестность в попытках спасти свою жизнь. И не удивляйся, если направляясь в одно место, ты окажешься совершенно в другом. Чужой мир любит преподносить неприятные сюрпризы и суров с теми, кто считает, что поймал удачу за хвост.

Юрий Корчевский

Щипач

© Юрий Корчевский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Юрий Корчевский

Родился в 1951 году. Закончил медицинский институт, работает врачом в Ставропольском крае.

Глава 1

ВОР

Всё складывалось сначала благополучно. Алексей школу закончил, в областной вуз поступил на факультет «история и архивное дело». Считал – повезло. Семья у него неполная – мать и он. Отца своего не помнил, мать от разговоров о нем уходила. Жили всегда скромно, по средствам. Велика ли зарплата у библиотекаря в небольшом райцентре в Рязанской области? У одноклассников смартфоны и прочие гаджеты, вроде планшетников, у него кнопочный телефон, дешевенькая «Нокия». Что скрывать – завидовал, поэтому образование хотел получить, однако по результатам ЕГЭ только на этот факультет прошел. Не много ныне желающих историками стать, все больше в юристы да экономисты рвутся. А Рязань выбрал потому, что недалеко от его родного города, немного более полусотни километров, каждые выходные к матери ездить можно. И еще из-за общежития. Съемная квартира не по карману, а к трудностям не привыкать. Обтерся за пару месяцев, на работу устроился. Понятно – не официально, в шиномонтажную мастерскую. Оплата подённая, но с подработкой на еду хватало. Парни из общежития первое время ёрничали, подкалывали, поскольку после подработки руки подолгу отмывать приходилось. Но зимнюю сессию сдал хорошо.

В отличие от тех мальчиков, которые по вечерам развлекались – пили пиво, посещали ночные клубы. Кто-то из них на пересдачу экзаменов отправился, а кого-то и вышибли из альма-матер. Алексею учиться нравилось, не подозревал, что история как наука настолько интересна. В группе подавляющее большинство девчонки. Сначала глазки строили, а потом перестали. Ни погулять не пригласит, ни в кафе посидеть, да и пахнет от него железом, резиной, фу!

С хорошими оценками первый курс окончил, впереди каникулы. Скромные пожитки собрал и в родной город, к матери. Каждый родитель своим сыном гордится, если отпрыск по правильной дороге пошел. Мама уже планы строила. Всё рухнуло в один момент. Бывший одноклассник пришел.

– Леха, чего дома сидим? Пойдем на танцы. Наши, я имею в виду бывший класс, будут. Каникулы, все, кто учится в других городах, вернулись.

Соблазнился Алексей, старых друзей-приятелей повидать хочется, все же одиннадцать лет вместе провели, считай – большую часть короткой жизни. Мать предупредил, новую рубашку по такому случаю надел, ботинки старенькие почистил.

– Мам, я задержаться могу, ты не жди, спать ложись.

С легкой душой отправился. Старый дом культуры знаком давно, школьные приятели ждут, настроение хорошее, приподнятое.

Купили билеты, в зал прошли. Музыка из динамиков громыхает, цветные лучи прожекторов по стенам, по людям прыгают от подвешенного на потолке зеркального шара. У стенок девчонки стоят, половина из которых знакома, приглашения ждут. Несколько пар уже зажигали в центре зала неизвестно что. Постепенно народу прибавлялось, да ладно бы трезвых. Видимо – хлебнули пива или водки для храбрости, для куражу. К девчонкам приставать стали, парни вступились. Сначала словесная перепалка, потом кулаки в ход пустили.

– Алексей, чего стоишь? Наших бьют, слободские пришли.

Слободские – название старое. Был издавна стекольный завод, при нем слобода. Слобода разрослась, микрорайоном стала, а название осталось.

Началась драка. Визг девчонок, мелькание рук, удары. Музыка стихла, зажегся свет. Кто-то закричал.

– Менты!

Вмиг бойцы разбежались, остался круг в центре, а в кругу том Алексей и парень незнакомый на полу, стонет, за руку держится. Алексей растерялся, ему бы тоже в толпу затесаться. А тут и двое полицейских протиснулись, Алексея под белы рученьки взяли.

– Пройдемте с нами.

«Скорую» вызвали, Алексея в полицию увезли, протокол за хулиганство составили. А из больницы звонок в отдел – у пострадавшего рука сломана. Алексея в «обезьянник» закрыли, дело завели о нанесении телесных повреждений. А он и ударить-то успел дважды, к парню пострадавшему не приближался, только лежащим на полу увидел. Дело закрутилось, вскоре суд, в зале заплаканная мать и приговор – полтора года тюрьмы общего режима. Смягчающие обстоятельства – ранее не судим, не привлекался, характеристики из института положительные. Так и пошел по этапу в лагерь, с обидой в душе на несправедливость. В колонии сидели первоходки, сроки в большинстве небольшие, больше молодежь, по глупости попавшая. Кровь молодая, кипит, адреналин бушует, а мозгов и опыта мало. Насмотрелись заокеанских боевиков про крутых парней. А только в зоне и тертые, опытные калачи были. За таким преступление не одно, а судимость первая. Известное дело – зона никого еще не перевоспитала. Для многих – школа жизни, вовлечение в преступный мир. И банды сколачиваются, после освобождения начинающие действовать, и преступному ремеслу обучают – как машину открыть и угнать, как документы подделать, как замок дверной вскрыть. Алексею досталась верхняя койка, «шконка» по-лагерному. Внизу спал вор-карманник Шило, кличка такая. Алексей сперва полагал, что карманник – преступник начинающий. Однако знающие люди объяснили, что эта воровская специальность в преступном мире уважаема, в отличие от убийц и грабителей. Выше стоят только «медвежатники», могущие вскрыть сейф. А для этого инструмент хитрый надо иметь и навык. Только «медвежатников» единицы по стране, все на учете в полиции. Да и нынешние предпочитали действовать примитивно, силой. Либо автогеном, либо взрывчаткой.

С Шилом Алексей сблизился незаметно. Вор постарше его немного, но умен. С удовольствием слушал рассказы Алексея по истории России. А потом удивил, повертел в руках письмо.

– Не твое?

Алексей за карман схватился, где письмо от матери лежало, а карман пуст.

– Отдай.

Как Шило письмо вытащил – загадка. Алексей не пьян, в сознании, а не заметил.

– Леха, карманник, щипач по-воровскому, специалист высокого пошиба. Хочешь, научу?

– Не хочу. Отсижу и в институте восстановлюсь.

– Ну ты насмешил. Кто же тебя с судимостью восстановит? Благодари бога, если на физическую работу возьмут – мешки таскать, круглое катать. И заметь – за копейки.

– Воровать нехорошо. У меня мать библиотекарь, зарплата смешная. Как у такой украсть?

– А что у нее красть? Если рисковать, так по-крупному. Клиента приглядеть надо, выпасти. Зайди в дорогой магазин, посмотри, как и чем богатенькие расплачиваются, где денежки лежат, у тех и лопатник стяни.

– Не буду, претит.

– Чистоплюй ты, Леха. Знания за плечами не носить. Не хочешь – не воруй. А я так думаю – когда-нибудь пригодится. Пальцы у тебя тонкие, длинные. У хирургов такие бывают, у скрипачей и у щипачей.

И Шило рассказал о специализации карманников. Были трясуны. Встретят якобы знакомого, обнимают на радостях, по плечу хлопают, выбивая бумажник из внутреннего кармана пиджака. А потом извиняются.

– Обознался, земляк, извини.

А лопатник уже владельца поменял. Или ширмачи. Те газетой или пакетом карман жертв от посторонних взглядов прикрывают, мгновение – и вор уже с добычей. Писари режут бритвой или краем остро заточенной монеты сумочки

дамские, пакеты. Колесники толкаются в общественном транспорте в часы пик – метро, автобусах.

– А ты?

– Я не колесник. В общественном транспорте пенсионеры ездят или работяги. Что у них красть? В лопатнике стольник на обратную дорогу. Я магазинщик. Бутиков дорогих полно, там красотки толкаются, что в любовницах у папиков. Но в одном бутике или магазине дважды появляться не стоит. Нынче там везде видеокамеры. На том я и спалился.

Говорил Шило увлеченно, интересно. Алексей подумал – что время терять? Воровать он не собирался, не так воспитан, но попробовать себе интересно. Шило в карман пустой кошелек клал.

– Давай, стырь!

Не получалось. Шило сразу за руку ловил.

– Грубо работаешь. Выжди, когда человек заинтересуется чем-то, скажем – витриной. Или туфли будет мерить, самый удобный момент. Дамочки, когда интересный для себя товар видят, всякую бдительность теряют. Ничего не слышат и не видят вокруг. Как глухари на весеннем току.

Со временем получаться стало. Шило даже похвалил.

– Я же говорил, что у тебя пальцы тонкие, чуткие, физическим трудом не раздавлены, как у слесаря или кузнеца. Со временем щипач из тебя получится.

– Не буду.

– Все так говорят.

– Хм, вот ты ловкий и опытный, а на зоне паришься. Я сюда больше возвращаться не хочу.

– Э! Ты что думаешь – я хочу? Случайность. Не повезло, день несчастливый выдался.

Шило освободился раньше Алексея. За хорошее поведение по УДО – условно-досрочному освобождению Алексей вышел раньше срока, год отсидел вместо полутора. Сразу домой поехал. Мать дома была, дверь открыла. Алексей вида не подал, что испугался. За год, что он в колонии сидел, мать постарела на все десять – морщины, седые волосы, сгорбилась. Алексей обнял ее, мать заплакала.

– Вернулся! Пахнет от тебя нехорошо. Иди, помойся, я еду приготовлю.

– Соскучился, я, мам, по домашней лапше.

Алексей помылся под душем, жесткой мочалкой тер себя, как будто лагерную жизнь с кожей стереть хотел. Одежду другую надел, в которой раньше в институт ходил, на кухню пришел. Угощение скромное – вареная картошка, селедка, два огурца, черный хлеб. Алексей ком в горле ощутил. Ему бы матери помогать, а он на зоне сидел. Сел есть, мать на него смотрит, глаз не отводит.

– Мам, ты чего?

– Повзрослел ты, черты лица жестче.

– Мам, давай не будем. Зона – не пионерский лагерь.

– Дай слово, что никуда снова не влезешь.

– Даю. Завтра в институт поеду.

– Дай-то бог.

Мать вздохнула. Алексею ее жалко стало до слез. Всю жизнь горбатилась на скромную зарплату, рада была, что сын в институт поступил, гордилась – всем знакомым рассказала. А сын подвел, оступился.

Назавтра поехать не получилось. Пришлось идти в полицию, потом в паспортный стол, сдать справку об освобождении из колонии, чтобы получить паспорт. Пока

в фотоателье бегал, ожидал получения, уже вечер. Зато вышел с новым документом.

Следующим днем уже ехал в автобусе в Рязань. Декан факультета, как увидел Алексея, лицо каменное сделал.

– У вас судимость не снята, восстановить не сможем.

– Я же не на материально-ответственную работу устраиваюсь и не на руководящую должность.

– Снимется судимость, приходите, рассмотрим, но восстановление не гарантирую. После окончания вуза, если таковое случится, вам придется в архивах работать, с важными документами. Нет, я против.

Так и ушел из института. От обиды кипело в душе. Была драка? Была, но он парня не бил, а срок получил. Выходит – пятно на всю жизнь. Несправедливо! Теперь и из института вежливо спровадили. Нечего тут разным уголовникам делать, еще чего доброго сворует что-нибудь или потасовку устроит. Сразу вспомнились слова Шила.

Говорил он, что не восстановят, так и вышло. Выходит – прав щипач, жизнь лучше Алексея знает. Что матери теперь сказать? Он и так перед ней виноват, за все доброе, что она сделала, неблагодарностью отплатил. Сколько она слез выплакала, здоровья потеряла из-за его судимости? На работу устроиться? А что он умеет, если специальности нет? Да и возьмут ли судимого, если желающих с чистой биографией полно. Мало того, безработных хватает. А и берут, так на невыгодных условиях – серая зарплата, а то и в черную, без оформления.

Уселся в небольшом парке на лавочку. Тяжкие мысли одолевали. Что делать дальше? Похоже – высшего образования не видать, как своих ушей. Идти в грузчики или чернорабочие? У них зарплата смешная, да и не для того он в школе учился на отлично, чтобы мешки таскать. В полной прострации сидел долго, выхода не видел. Воровать кошельки, как учил Шило? Только не это, уж лучше грузчиком. На лавочку, на дальний ее конец какой-то дед подсел, вполне благопристойного вида – шляпа, очки, тросточка. Ну сел и сел, места много, не мешает. Но старикан к Алексею повернулся.

– О воровстве не думай, – сказал он.

Алексей аж подскочил. Телепат дед, что ли?

– Я к вам не пристаю, и вы меня не трогайте, – резко ответил он. – Я ни у кого ничего не крал.

– Это пока.

Старичок поднялся, опираясь на палку, пошел по тротуару. Проходя мимо Алексея, сделал какое-то движение рукой, вроде пасса. У Алексея голова закружилась, сознание помутилось. Очнулся уже вечером, лежа на тротуаре. Вокруг незнакомая улица. Мелкий дождь моросит, ветер. Тут же шаги раздались, к нему полицейский подошел. Тусклый свет фонаря позволил разглядеть форму – темная шинель, круглая шапка с кокардой, а что удивило Алексея – шашка на левом боку. Неужели, пока он сидел, у полиции форму изменили?

– Гражданин хороший, встать бы надо, – пожурил полицейский. – Шли бы вы домой, пока в неприятности не попали.

Алексей поднялся.

– А где я? – спросил он.

– Пить меньше надо. В Санкт-Петербурге, где же еще?

– Правда?

Как он в город на Неве попал – не помнил. Полицейский засмеялся.

– Воздух понюхайте, гражданин. Чувствуете – морем пахнет?

Алексей носом потянул. И правда – морем пахло, ветер нес запахи йода, водорослей, чего-то необъяснимого, так могло пахнуть именно море.

– А число какое?

– Да вы не больны ли? Семнадцатого сентября одна тысяча девятьсот семнадцатого года.

Алексею показалось – ослышался он. Какой семнадцатый, да еще девятьсот?!

– Э, простите, нельзя ли повторить?

Полицейский повторил – чисто, внятно. Алексею нехорошо стало. Неужели старик в сквере начудил? Полицейский развернулся, не торопясь зашагал. На правом боку кобура желтой кожи от револьвера. Да таких уже в полиции нет лет семьдесят. Странности. Где Рязань и где Санкт-Петербург? А у него денег кот наплакал. Только от Рязани до своего города добраться. Побрел по тротуару, сам не зная куда. Навстречу два матроса в бушлатах попались, с винтовками на плечах, к ним штыки четырехгранные примкнуты. Такое оружие Алексей только в кино видел и в музеях. Похоже – полицейский правду сказал. Вот это облом! Ни денег, ни знакомых, чужой город, да еще почти сто лет тому назад. Год, конечно, интересный. Два месяца – январь и февраль, страна при монархии жила, пела «Боже, царя храни», последующие восемь в республике, при Временном правительстве и пела «Марсельезу», а последние два месяца при большевиках жили под звуки «Интернационала». Ни одна страна за год не меняла три раза государственный строй и гимн. А теперь Алексея угораздило вляпаться. Но он еще до конца не верил в произошедшее. На улице прохладно, сентябрь, да и не Рязань, в рубашке прохладно. Куда человеку без денег в такой ситуации податься? Только на вокзал. У прохожего спросил:

– Как до вокзала добраться?

– Какого?

Вопрос Алексея в тупик поставил. Какие вокзалы в Питере есть и как называются, он не знал. Прохожий помог.

– Тебе в какую сторону ехать надо?

– На Москву.

– Значит – на Николаевский. Квартал прямо и направо, это Невский проспект будет. Не сворачивай, он прямо на вокзал выведет.

Николаевским вокзал называли по имени императора, переименовали в Московский в 1924 году.

Алексей так и сделал. На Невском народа немного. В городе неспокойно, гуляющих праздно не видно, люди по квартирам и домам отсиживались. У входа в вокзал двое матросов, на бушлатах красные ленточки, за плечами винтовки. Но Алексея не остановили – молод, выглядит, как гимназист. В зале теплее, чем на улице, но сквозняки гуляют. Алексей в угол прошел, здесь не так дуло, с трудом нашел свободное место на лавке, присел. Надо обдумать сложившееся положение, уж слишком необычно. Ни родного дома, ни знакомых, ни денег. Да и доберется до родной Рязанщины, кого искать, если мать еще не родилась? Ужас! Люди вокруг уже в плащах, пальто, осень. Алексей мерз. Напротив, в буфете, продавали горячий чай, булочки. Выпить бы стакан, согреться, да денег нет. Были тридцать рублей, но они для современной России, а какие здесь в ходу, он не знал. Вроде бы керенки? По имени Керенского, главы Временного правительства. Кто-то из пассажиров дремал, Алексей же не мог, его знобило от холода. Не хватало только простудиться и заболеть.

Откуда появился молодой человек его возраста, он не заметил, но сразу определил – вор, карманник. Насмотрелся уже в зоне. Взгляд острый, да не на лица смотрит, а на вещи. Алексею интересно стало, изменился стиль работы щипачей за век или такой же? Парень к очереди в буфет подошел, потолкался, наклонился, якобы к витрине. Только Алексей успел заметить, как карманник вытащил у солидного дядьки в черном пальто и котелке портмоне, сразу в свой карман брючный скользящим движением опустил. И деловой походкой направился к выходу из вокзала. Действовал правильно. Через три человека подойдет очередь обворованного, надо будет рассчитываться, а кошелек пропал. Дядька крик поднимет, а вора уже след простыл. Алексей поднялся, пошел вслед за карманником. Выйдя из вокзала, вор почувствовал себя увереннее, отошел за угол, в темное место, портмоне открыл. За этим занятием его Алексей застал.

– Велик ли навар?

– Шел бы ты отсюда поздорову.

– А то что будет?

– Перо в бок получишь.

– Делись, а то матросов крикну в помощь.

– Вот же гад! Я работал, а с ним делись. Ты откуда такой наглый?

Алексей решил соврать.

– Из Москвы.

– О, богатый город. И чего тебя в Питер занесло?

Разговаривая, вор вытащил деньги из портмоне, кошелек в урну бросил. Всё, улик нет. Отсчитал от пачки денег несколько купюр, Алексею протянул.

– Мало. Еще накинь, а то я в вокзале работать тебе не дам. Как появишься, следом ходить буду, граждан предупреждать.

– Это моя точка! Валил бы ты отсюда.

– Дашь денег, уйду.

Алексей точно знал, нет еще преступности, как в современном мире – бандитские кодлы, распределение мест преступного бизнеса, организованных сообществ. В лучшем случае – шайки по специальностям – домушники, каталы, уличные бандиты. Как в любое время серьезных перемен, когда старая власть теряла силу, а новая еще толком не сформировалась, всегда поднимала голову преступность. А в Питере, на тот период столице империи, все проявилось в максимальной степени. Осенью семнадцатого и зимой восемнадцатого годов преступники всех мастей – воры, грабители, насильники, убийцы чинили полный беспредел, тем более дезертиры с фронта привезли много оружия, как российского, так и германского производства. Мало того, надев кожаные куртки и вооружившись, бандиты представлялись представителями власти, по наводке грабили квартиры богатых людей. Уголовный розыск еще Временное правительство распустило, а зря. Сотрудники его имели фото преступников,

досье, а многих знали в лицо. Узнав о ликвидации угро, преступники возликовали.

– Ах ты, сволочь!

Вор кинулся на Алексея в драку. Но Алексей, отсидев на зоне, отпор дать умел. Удар в подбородок, потом ногой по голени. Вор взвыл, согнулся от боли. Алексей, по праву сильного, вытащил у него из кармана деньги, поделил пополам. Одну часть вору вернул.

– Так правильно будет.

– Беспредельничаешь? Сам промышляй.

– Потом верну, когда разбогатею. Веди на хату, мне переночевать надо.

– А может, тебе еще маруху и кокаина?

– Обойдусь.

Кокаин в Питере имел хождение, наркотиком не считался. Пользовались им богатые или отребье. Алексей приобнял вора, якобы помогая. Сам успел все карманы прощупать. Плохо, что Алексей не знал цены денег, за сколько и что купить можно? Вор привел его в квартиру на втором этаже доходного дома. Пока по лестнице поднимались, вор назвался.

– Меня Герасимом звать, погоняло Матильда.

Хм, Матильда – женское имя, да еще не русское. Вор ответа ждал.

– Меня Алексеем, в тюрьме кличку получил – «Шило».

Алексей прозвища не имел, решил представиться кличкой вора – карманника из зоны.

В квартире уютно, а главное – тепло. В большой комнате за столом сидели трое блатного вида, перебрасывались в картишки. При виде незнакомого сразу насторожились. Матильда рукой махнул.

– Московский гость, щипач по кличке Шило.

– Ну проходи. Жрать хочешь?

– Хочу, – не стал отказываться Алексей.

– Иди на кухню.

Кухня оказалась огромной, не то что в современных домах. На стуле сидела девушка в черном платье, курила сигарету с длинным мундштуком.

– Тебе чего?

– Поесть.

– Сам ищи.

Девица посмотрела на него презрительно. В шкафу Алексей нашел хлеб, соленые огурцы, полукопченую колбасу, соленое сало и две бутылки водки.

– И мне плесни, – лениво процедила девица.

Чужой водки не жалко. Алексей щедро плеснул в стакан, нарезал кухонным ножом хлеба, колбасы, сала. Уселся за стол, накинулся на еду.

– Тебя что, неделю не кормили? – осведомилась девица.

– Из тюрьмы, потом в поезде добирался, да без денег.

– Ты меня не жалоби, – протянула девица.

Лихо опростала полстакана водки, закусила огурцом.

– Чем занимаешься?

– Щипач.

– Карманник, что ли?

– Именно.

– Жить есть где?

– Пока нет, говорю же – с поезда.

– Квартира есть одна, в соседнем доме. Пустует. Хозяева богатенькие свалили к финнам, как беспорядки начались.

– А ключи подобрать не пробовали?

– Это ты мне предлагаешь? – удивилась девица.

– На хате разные мастера бывают, – неопределенно выразился Алексей.

– Все они быдло необразованное.

– Так и ты не воспитанница Смольного.

– Что ты обо мне знаешь?

Алексей поддерживать разговор не хотел. Девушка со странностями. Проститутка, что ли?

– Где поспать можно?

– А где хочешь, где свободное место найдешь. Квартира большая, ищи.

Алексей побродил по квартире. В самом деле большая, обстановка солидная. Явно здесь раньше жил человек богатый. Но сейчас чувствовалось – «временщики» пришли, причем уровня Шарикова из булгаковского «Собачьего сердца». На дорогих шторах отпечатки грязных рук, явно использовали вместо полотенец. Но кровать нашлась. Он снял обувь, но раздеваться не стал. Из комнаты, где играли в карты, раздавались крики, шум, потом драка началась.

– Жульничаешь? На, получи!

Но все же уснул. Слишком много впечатлений, событий принес день. Проснулся утром. На постели рядом с ним спала незнакомая девица, но не та, вчерашняя. «Малина» и есть «малина», здесь вопросов не задают. Алексей встал, обулся, прошел в ванную, умылся. В комнатах вповалку спали на диване, один на затоптанном ковре, причем ручной работы, судя по толстому ворсу. В комнате тяжелый запах сивухи, давно не мытых тел. Уйти бы, а куда? И вообще, как его в Питер занесло, да еще на сто лет назад? А уж если случилась такая необычность, то почему с ним? Да и год в истории империи не самый лучший. Однако спросить некого. Будь здесь профессор, ответа не даст. Никто не знает, что будет с ним завтра.

Здраво рассудив, что надо подкрепиться, прошел на кухню. Гора грязной посуды и стаканов в раковине, в пепельнице полно окурков. М-да, сборище свиней, не иначе. Нашел подчерствевший немного хлеб, полкольца полукопченой колбасы. Поел, запив холодным чаем. Чайник стоял на керосинке, но как ею пользоваться, Алексей не знал. Еще устроит пожар. Попытался растолкать Герасима, вчерашнего карманника по прозвищу «Матильда». Но тот послал его подальше. От вора разило перегаром, раньше полудня от него ничего не добьешься. Из комнаты вышла девица, которая спала с ним вместе.

– Ты кто? Я тебя раньше не видела.

– Шило, погоняло такое.

– А меня Фросей кличут, имя такое. Домушник или бандит?

– Ни то, ни другое, щипач.

Один из мужчин поднял голову.

– Заткнитесь, иначе языки поотрезаю!

– Он может, – прошептала Фрося. – Идем отсюда.

Вышли из квартиры, из подъезда. Алексей на дом обернулся. Надо запомнить улицу и номер дома. Если не повезет, придется вернуться сюда. Не спать же в подворотне?

– Ты при деньгах? – спросила Фрося.

– Нет, – соврал Алексей.

– А то есть хочется. Вообще-то и рестораны закрыты. Стащи у кого-нибудь лопатник, сходим на вокзал, там буфет круглосуточно работает.

– Вообще-то я не местный, из Москвы. Где здесь в такое время народу побольше?

– А то не знаешь? В трамвае.

– В них одни старики и пролетарии ездят.

– Вот и не так! Это до свержения царя было. Богатые на пролетках, бедные на трамвае. Извозчиков днем с огнем не найдешь.

– Тогда веди.

Трамвайная линия оказалась рядом, на Невском. Алексей подсадил Фросю, вскочил на подножку сам. Трамвай не делал здесь остановку, но полз медленно, раскачивался на ходу, дребезжал. Салон полон, места для сидений заняты, люди в проходе стоят. Алексей встал на задней платформе. Надо осмотреться. Кроме того, на остановке у дверей толчея возникнет, тут уж дремать нельзя. Трамвай встал. В салон, буквально штурмом, полезли люди. Алексей сразу богатого увидел. Добротный пиджак, настоящие кожаные туфли. Пристроился сбоку, очень удачно его толкнули сзади. Мгновение и портмоне оказалось в его руке. Он вернулся к Фросе, передал добычу ей. Причем от случайного взора своим телом прикрыл. Фрося тут же бумажник в свою сумочку опустила. Причем очень

ловко, видимо – проделывала не раз.

– Выходим или еще заход сделаешь?

Алексей ответить не успел. Обворованный им гражданин заорал:

– Караул! Украли!

Это потому, что кондуктор подошел, мужчина руку в карман сунул, а кошелька нет. В такой ситуации идти на вторую кражу только дурак рискнет. Пассажиры друг на друга подозрительно смотреть стали, проверять свои карманы. А для карманника подсказка, где лопатник лежит. Еще одного гражданина приметил. Одет скромно, не выделяется, но лицо холеное, руки не рабочие. Стоит попасти. Будущая жертва вышла через две остановки, Алексей с Фросей выскочили здесь же.

– Грабить будешь? – спросила Фрося.

– Не, не мой профиль.

Парочка следовала за мужчиной, пока он к киоску не подошел. Газету купил, отошел на пару шагов. Алексей тут же подскочил, хлопнул его по плечу, обнял крепко.

– Анатолий Петрович! Как я рад встрече! Сколько же мы не виделись?

Мужчина брезгливо отстранился.

– Не имею чести знать!

И направился в сторону Адмиралтейства. Алексей к Фросе вернулся, передал ей бумажник, который смог «выбить» из кармана лоха.

Отошли до первой подворотни, свернули. Фрося ловко выудила из бумажника пачку денег, хотела в вырез платья сунуть, Алексей не дал. Выхватил и в карман. Фрося бумажник выбросила, достала из сумки другой. И этот был с деньгами, только другими. Алексей удивился.

– Что глаза таращишь? Керенок никогда не видел?

Деньги она все же сунула в декольте, платье оправила, сразу повеселела.

– Вот, теперь житуха. Ловко ты их! Чувствуется опыт. Я уж думала – ты марвихер. А теперь едем на вокзал.

На трамвае поехали в обратную сторону, к Московскому вокзалу. Приезжих или уезжающих много, все с баулами, саквояжами, узлами. Толчея, шум. Алексей наметанным глазом карманника определил, но мешать не стал. Подошли к буфету. По смутным дням ассортимент скудный. Но все же Фрося выбрала по булочке, стакану чая с сахаром и вареному яйцу. Чай из огромного самовара, заварка хорошая. Оба поели с аппетитом, вышли из вокзала.

– Куда пойдем? – спросила девушка. – На «малину» не хочу, воняет, как в свинарнике, и все облапать стараются. А ты не из таких. Дворянин, что ли?

– Где ты видела щипачей – дворян? Гимназистом был до прошлого года, – соврал Алексей.

– Манеры у тебя хорошие. Даму подсадил в трамвай, говоришь правильно, не куришь и не пьешь, матом не ругаешься. Не пролетарий, одним словом.

– Ты это к чему сказала?

– А давай квартиру снимем на двоих? Сейчас жилья много сдается.

– Хм!

Алексей задумался. Свое жилье, пусть и арендованное, это не воровская малина, где пьянка и драки. Но с другой стороны – кормилец он один, Фрося – нахлебница. А воровское дело – промысел случайный. Сегодня повезло, а завтра пусто. Хуже того, могут повязать. У настоящего вора, как просвещал его на зоне настоящий Шило, не должно быть семьи и дома, чтобы не держало ничего на воле. Да и кто ему Фрося? Не любовница, не жена, случайная знакомая, которую он знает несколько часов. А вдруг сама его обворует. Вот пойдет он в ванную помыться, она карманы обчистит и уйдет, только поминай, как звали.

Замешкался с ответом Алексей. А Фрося как будто мысли прочитала.

– Ты не бойся, я верной буду. Хочешь – с тобой на промысел ходить буду, как сегодня. А хочешь – обеды стану готовить.

– Думается мне, не нравятся тебе малины воровские. А зачем прибилась туда?

– А у меня выход был? Что ты знаешь о моей жизни?

Вроде как обиделась на Алексея за вопрос. А он после зоны не верил уже никому, кроме мамы. Отец бросил, друзья-знакомые подставили, в драку втянув. Не зря на зоне поговорка в ходу – не верь, не бойся, не проси. Хоть и не настоящий он уголовник, а кое-что на зоне от урок перенял. С волками жить – по-волчьи выть.

– Хорошо, давай попробуем. У тебя на примете квартиры есть?

– Да на каждом доме объявления. Кстати, ты грамотный?

– Ну ты сказала! Гимназию закончил!

Пошли по улице. Не по Невскому, там самые дорогие доходные дома. Зашли по двум адресам на Гороховой. Тоже не самая захудалая улица, центр. Договорились с хозяевами. Те сразу условия поставили.

– Расчет только царскими деньгами, никаких керенок.

Алексей от хозяев отвернулся, вытащил деньги из кармана, пересчитал. Денег хватало, даже с лишком.

– Завтра можете занимать, мы к родне съедем.

– Вот завтра деньги отдадим, а вы нам ключи, – отрезала Фрося.

Вышли из дома. Фрося Алексея оглядела.

– Одежда у тебя не та, не по погоде.

Это верно. Днем еще в рубашке терпимо, но вечером прохладно. А если дождь пойдет?

– Что предлагаешь?

– В магазин зайти. Пиджак купить, либо тужурку, какие у студентов бывают.

Фрося повела его по переулкам. Город она знала хорошо, это чувствовалось. Вывела на улицу, к магазину. У Алексея размер стандартный, сорок восьмой. Подобрали студенческую тужурку, по возрасту в самый раз, да и стоит дешевле пиджака почти вдвое. Алексей тужурку сразу надел. Вышли из магазина, Фрося сразу одобрила.

– Тебе к лицу.

– Ты мне лучше скажи, где ночевать сегодня будем?

– Если деньги есть, так не на малине. Гостиницы есть, ночлежки.

– Для гостиниц документы нужны. У тебя паспорт есть?

– И не было никогда.

– А у меня мой дома, в Москве. Без документов не пустят.

– Лишнюю сотню портье дадим, никто паспорт не спросит.

Много это или мало – сто рублей? Алексей не знал покупательной способности ни царских рублей, ни керенок. То, что керенкам ходить не долго, знал точно. Со дня на день революция большевиков. Все деньги сразу устареют. Другая власть – другие деньги. Вот что будет долго в ходу, так царские золотые монеты – червонцы, империалы, полуимпериалы. Один из его приятелей как-то похвастался в вузе:

– Мой папаша себе полный рот золотых коронок поставил. Представляешь – из золотых червонцев, царских времен еще.

– А он-то где взял?

– Дед хранил все время.

Но мода на золотые коронки ушла с приходом новых технологий. Коронки стали делать из керамики, от естественных не отличишь, разве что не болят.

– Веди! Нет, стой. Давай деньги посчитаем. На квартиру оставить надо, на еду.

– Я керенками рассчитаюсь. Не деньги – мусор. С каждым днем на них все меньше купить можно.

– Инфляция, как всегда при неустойчивой власти, – глубокомысленно изрек Алексей.

– Ты такие мудрые слова знаешь? – удивилась Фрося.

Вопрос заставил задуматься. Девушка не так проста, как показалось сначала. Не каждый работяга в это время читать мог, подписывался коряво. Среди женщин грамотных меньше было, чем среди мужчин. Знает Фрося про инфляцию. Гимназистка или ученица Смольного? На девицу благородного происхождения не похожа, да и имя простонародное.

– Ты чего задумался? – вывела его из размышлений Фрося. – Считай.

Алексей вытащил из кармана деньги, пересчитал.

– Двести двадцать.

– Когда-то, даже год назад, целое состояние, – вздохнула Фрося.

– Веди в гостиницу.

Фрося глазами сверкнула. Без году неделю знакомы, как говорится, а Алексей уже командует. Но смолчала, зависела от него. Алексей же приметил: строптива, стало быть, знала лучшие времена, не исключено, прислугу имела. Дошли почти до Большой Конюшенной, свернули в переулок. Трехэтажный дом, на первом этаже ресторан, второй и третий – номера для гостей. Фрося к портье подошла, жеманно улыбнулась.

– Нам двухместный номер на сутки.

– Без проблем, сударыня. Документики извольте.

– А если без них?

– Не положено-с.

– Положено, – Фрося выложила несколько керенок. – Третья часть твоя.

– Действительно, наша задача – помогать гостям!

Портье снял ключ с доски, положил на стойку. Он видел, что парочка зашла в гостиницу без вещей. Принял Фросю за проститутку. Платят деньги – пусть развлекаются.

Гостей и так мало, все люди солидные пытаются из столицы в провинцию уехать или другие города. В Петрограде тревожно, по улицам то юнкера с оружием идут, то Красная гвардия. Эти одеты в цивильное, на левом лацкане пиджаков или полупальто красные банты, но тоже при винтовках. Но это днем, ночью банды разного отребья бесчинствуют. Портье перекрестился.

Переночевали с комфортом, на удобных кроватях, в тишине. Фрося раздевалась в темноте, выключив свет, и сразу предупредила:

– Не вздумай приставать. Не смотри, что я девушка, я сильная, драться буду.

– И не думал, – пробормотал Алексей.

Ему выспаться хотелось. Спали долго, почти до полудня. Потом пошли в ресторан, есть хотелось сильно. Меню скудное, но наелись.

Не спеша пошли к Гороховой, хозяева сегодня съехать обещали и ключи отдать. Получилось быстро. Отдали деньги за месяц, получили два комплекта ключей, оставшись одни, обошли квартиру. Что приятно обрадовало, так это второй выход, так называемый «черный ход». Почти во всех доходных домах был такой – для прислуги, доставки мебели, хозяйственных нужд, доставки дров, ведь центральное отопление имели считанные дома, да и то в центре. Остальные имели печное отопление, для них и уголь и дрова доставлять надо.

Потом Фрося уселась за обеденный стол.

– Так и будешь дальше по чужим карманам лазать?

– А больше я ничего не умею.

Алексей вопросу удивился. Конечно, карманником он стал по нужде и занятие это ему не нравилось.

– О другом не думал?

– Схиму принять и аскезу? – пошутил Алексей.

– Более прибыльным делом. Карманные кражи, конечно, дело ювелирное, тонкое. Но риска много, а кошелек может оказаться пустым. А поймают – побьют и очень сильно. Раньше в полицию бы сдали, да где она сейчас? Объявили пережитком царского прошлого, инструментом подавления народных масс.

– Говоришь, как большевик. Ты к чему клонишь, не пойму, хоть тугодумом никогда не был.

– Часть богатеев, да тех, кто похитрее – уехала. Но много и осталось.

– Грабить предлагаешь?

– Согласна, занятие рисковое, больше для громил подходит, у которых одна извилина. Но прибыльно! За один удачный налет поимеем больше, чем ты за год щипачом.

– Отпор могут дать. До войны оружие свободно продавалось. Впрочем, сейчас тоже можно купить.

– Я уже все продумала. Прицепим красный бант, вроде мы из Красной гвардии. Сопротивляться никто не вздумает. Скажем – экспроприация.

– Мы? Ты тоже участвовать собираешься?

– Разве красногвардейцы в одиночку ходят?

– Откуда мне знать?

– Документ бы еще какой-нибудь. Давай ты стыришь портмоне у какого-нибудь красногвардейца? Должен же быть какой-то документ? Справка или удостоверение.

– Ты меня в авантюру втягиваешь. Не проще ли ограбить ссудную кассу или ювелирный магазин?

– Вчера родился? Они закрыты все, уж месяц, а то и больше. А их владельцы с ценностями в Финляндию выехали, либо в Италию.

– Ну хорошо. Достанем бумагу, ограбим квартиру. А что дальше с награбленным делать? Золотом в ресторане расплачиваться не будешь, подозрительно. Кто в здравом уме будет золото отдавать? Оно во все времена в цене. Да и не факт, что в квартире золото будет. Вот, к примеру, шуба меховая. Куда ее денешь?

– Скупщикам краденого за полцены, пусть за треть сдам. И получу наличные.

Алексей посидел, подумал. Похоже – план этот Фрося не сегодня ночью придумала, потому что на каждый его вопрос у нее готовый ответ есть. Не нравилось Алексею воровское дело. Рискованно и стабильности нет, противозаконно. А то, что Фрося предлагает, еще более опасно, дорожка по

наклонной вниз. А какой у него выход? На завод идти? Половина из них стоит. А если и примут, то учеником, с копеечным жалованьем. Своими руками что-то делать он не умеет – не электрик он, не слесарь.

– Что надумал?

– Пошли красногвардейцев искать.

Стали ходить по улицам. Красногвардейские патрули попадались, но многочисленные – по десять-двадцать человек. Попробуй стырить лопатник, прикладами винтовок ребра сломают. Но все же повезло уже вечером. Шли на съемную квартиру, увидели мужичка в рабочей куртке. На лацкане красный бант. Мужичок пьян, идет неверной походкой, качается. Девушка Алексея локтем толкнула.

– Вот он!

Не сговариваясь, зашли с двух сторон. Алексей ловко карманы обыскал. В наружном кармане куртки оказался револьвер короткоствольный, такие называли «бульдогами», до революции продавались в оружейных магазинах свободно. Алексей револьвер в свой карман опустил. По неспокойной петербургской жизни может пригодиться. А документов, на которые так надеялся Алексей, не оказалось, как и денег. Пьяненький красногвардеец обыску не сопротивлялся, похоже – не соображал, что происходит. Вообще документы Алексею нужны, он уже думал, как их приобрести. Без документов при любой власти никто, даже в гостиницу не устроиться, не то что на работу. Пройдет еще немного времени – год максимум – и власть большевиков ужесточит режим. До большевистского переворота еще месяц. И есть время в этой неразберихе добыть документы.

В марте 1917 года демократическая власть, обуреваемая ложными ценностями о либерализме, объявила амнистию. Тысячи уголовников вышли на свободу. Если весной 1916 года в Москве было совершено 3618 преступлений, то после амнистии свыше двадцати тысяч, и это в одном только городе. Еще в 1913 году в Швейцарии, на международном криминалистическом конгрессе Московская полиция была признана лучшей в мире, возглавлял ее тогда Аркадий Францевич Кошко. Миропорядок рухнул после отречения государя, правительство Керенского совершило шаги непродуманные, страна медленно погружалась в

хаос. Для того, чтобы управлять огромной страной, одного желания мало, нужны знания, опыт. Департаменты государственной, царской структуры, работать на демократическую власть не хотели, да еще чехарда с деньгами. «Керенки» чиновники не признавали серьезной валютой, а за фантики трудиться дураков нет. Народ надеялся, что старые порядки еще вернутся, будет стабильная власть, царские деньги, к которым относились уважительно.

К осени 1917 года правительство Керенского влияние растеряло. Почти каждый день на улицах и площадях Петрограда происходили митинги и демонстрации. Каждая партия – кадеты, эсеры, анархисты, большевики – агитировала за себя. В городе почти безвластие, власть «валялась» под ногами, и большевики решили прибрать ее к рукам, устроив переворот. Многие в партии сомневались – удастся ли? К удивлению сомневающихся – получилось. Причем страсти по власти кипели только в Петрограде, в других городах, даже той же Москве, было спокойно. Керенский реальной вооруженной силой не обладал. Большевики опасались противостояния с матросами, на флоте большое влияние имели эсеры. Кроме того, у флотских корабли с их мощной артиллерией, Кронштадт.

В дни октябрьского переворота на улицах было пустынно, кое-где слышалась в городе стрельба. Но долго в холодной квартире без харчей не усидишь. Потянулись в магазины, а там пустые полки, подвозом никто не занимался. Кто имел родню в селе под Петроградом, потянулись туда, в деревне выжить проще. По ночам власть вершили грабители. Большевики своим указом от 28 октября 1917 года создали милицию, причем запретили брать на службу сотрудников сыскной полиции, дескать – гнобили при старой власти пролетариат. У сыщиков сыскной полиции опыт был, многих матерых преступников знали в лицо, их методы, возможные места обитания. Хуже того, новая власть не удосужилась сохранить картотеку с фотографиями тех уголовников, кого ранее задерживала полиция. Отделения сыскной полиции были брошены, не охранялись, чем воспользовались преступники. Картотеки жгли, порой с отделениями вместе. Конечно, непрофессионалы не могли справиться с валом преступности. И Советское правительство 6 декабря создает ЧК – чрезвычайную комиссию, преобразованную 22 декабря в ВЧК – Всероссийскую чрезвычайную комиссию, во главе которой встал Ф. Э. Дзержинский. Располагалась ВЧК на Гороховой, дом 2. В доме, где до революции было Охранное отделение. Наравне с Литейным и Невским проспектами, Гороховая была одной из центральных улиц. ВЧК был органом карательным, осуществлявшим красный террор.

В средине декабря Алексей возвращался на съемную квартиру. Еще не поздно – пять часов вечера, а уже темно, все же зима. Вдруг в переулке выстрелы, крики «Стой!». Алексей прижался к двери какого-то дома. Двери в каменных домах всегда в углублениях, хоть небольшое, да укрытие. Из переулка выбежали двое. На бегу оборачивались, стреляли в кого-то, невидимого Алексею.

За мужчинами выбежали преследователи, тоже двое. Алексей подумал – милиция, поскольку преследователи стреляли в убегавших, приказывали остановиться. Единой униформы ни в милиции, ни в ЧК тогда еще не было, одежда цивильная, зачастую с красным бантом на левом лацкане, чтобы видно было – представитель власти. Убегавшие оказались удачливее, не исключено – опытнее. В Петроград стекались дезертиры с фронтов, имевшие практику боевых действий.

Грянуло несколько выстрелов, преследователи упали. И в наступившей тишине слышен топот ног убегавших. Потом вдали трель свистка милиционера. Так подавался сигнал о тревоге, помощи. Алексей осмотрелся – на улице никого. По темному времени люди боялись без острой необходимости выходить из дома. Можно было не только кошелька или одежды лишиться, но и самой жизни.

Грабители не гнушались снимать с прохожих шапки, шубы, добротные пальто, обувь. Алексею тоже хотелось убежать побыстрей, тем более съемная квартира недалеко, в квартале, десять минут быстрой ходьбы. Подбежал к одному упавшему. Мужчина признаков жизни не подавал, из-под головы растекалось темное пятно. Алексей похлопал по карманам. В левом внутреннем кармане ощущался бумажник. Забрал его, чего же пропадать добру? И пистолет забрал, валявшийся в метре на булыжной мостовой «браунинг». И второго убитого обыскал, но у того в карманах нет ничего. В темноте оружия рядом с телом не видно, искать не стал. Ежели оружие грабителям продать, прибыль будет, оружие – товар востребованный. Сразу на квартиру отправился. Там Фрося уже ужин приготовила – жареная картошка с жареной рыбой, чай с ситным и сахаром. По нынешним временам – роскошь. Пока Фрося мыла посуду, Алексей решил проверить добычу.

Денег мало – две керенки по пятьсот рублей, можно сказать – мусор и несколько царских банкнот. Зато в бумажнике интересная бумага оказалась. Отпечатана на машинке, причем есть небольшой дефект – немного западает буква «у». Вверху – «Представители властей. Предъявитель сего, Семыкин Владимир Алексеевич является сотрудником Петроградской чрезвычайной комиссии».

Внизу размашистая подпись, печать. И расшифровка подписи –
Ф. Э. Дзержинский. Ни фига себе! Убитый-то чекистом был! Первой мыслью было – уничтожить бумагу, сжечь! Все же передумал. Можно сказать – повезло! Эта бумага, как пропуск-вездеход, никто и рта открыть не посмеет. По возрасту убитый чекист – как Алексей, а фотографии нет. Фото, даже на паспорт, появились позже, да и качества были скверного, мутноватые, быстро желтели. Сразу вспомнились воспоминания очевидцев послеоктябрьских дней. Была у ВЧК своеобразная форма – кожаная фуражка и кожаная куртка, а еще маузер в деревянной кобуре. Англичане, будучи союзниками России по Антанте доставили в порт Архангельска обмундирование и личное оружие для пилотов, именно эти куртки и пистолеты. Чекисты тут же изъяли все для себя. Добротно, солидно выглядит и сразу видно – представитель органов карающего меча революции. Униформа у НКВД, которое стало правопреемником ВЧК, была уже армейского образца и вида.

Глава 2

МОСКВА

Пару дней Алексей не выходил из квартиры, обдумывал, что предпринять. Изъятый им у убитого чекиста документ открывал перспективы. Можно было не заниматься кражами из карманов, а грабить. Заявиться на квартиру к богатеньким под видом чекиста, устроить обыск, изъять ценности. Но для этого нужен второй человек, чекистов всегда было двое-трое, и Фрося на эту роль подходила мало. И еще – кожаная куртка нужна и кепка. На первое время «браунинг» сойдет, а потом и «маузер» раздобыть можно. На воровской «малине», как назывались пристанища преступников всех мастей, купить можно было все, что хотелось, только давай деньги или «рыжье», как называли золото «мазурики» – правильные воры. Настоящие английские кожаные куртки в массовом количестве у чекистов появятся весной 1918 года, когда большевики захватят склады на севере, в Архангельске.

Первоначально переворот произошел в Петрограде, в Москве после отречения царя было безвластие, а до отдаленных губерний и городов большевистская власть докатилась через год-два.

Но в грабеже квартир под видом чекистов была опасность – нарваться на вооруженный отпор. Люди богатые зачастую имели оружие, все же времена неспокойные. К тому же те, кто имел серьезные капиталы и мозги, уехали за границу, благо – они фактически долгое время открыты были. Ни пограничной стражи, ни таможни. И те, кто уехал, оказался в выигрыше – сохранил жизнь, сберег деньги для сытой жизни. Те, кто думал, что большевики – на короткое время, повторят судьбу Керенского и его правительства, ошиблись. Богатых власть обобрала, а их самих – в трудовые лагеря для исправления. Только из тех лагерей мало кто вернулся, видимо – не исправились. Не зря же в народе поговорка ходила – горбатого могила исправит.

Историю, конечно не всю, Алексей знал, пусть и в общих чертах. Поразмыслив, решил – надо ехать в Москву. Город большой, зажиточный, там и богатеев потрясти можно. И еще была мыслишка сорвать большой куш, забраться в Патриаршую ризницу, что в Кремле, в пристройке к колокольне Ивана Великого. В Москве сейчас правительственных учреждений нет, в Кремле только монастыри действуют, и охраны серьезной не было, только мусор и запустение. Точно знал, что ризницу ограбят, и случится это в период с 10 по 20 января 1918 года. Ризничий, ответственный человек из патриаршего окружения, проверял хранилище 10 января и ценности были на месте, а при следующей проверке – 20 января хранилище оказалось разграблено. Так что стоило поторопиться, чтобы опередить тех, кто замыслил кражу.

В Бога Алексей не верил, как и большинство его сверстников, и кары небесной за святотатство не боялся. Вон большевики – все церкви, все хранилища разграбят, кресты с куполов сбросят, в церквях склады и мастерские устроят и больше семидесяти лет у власти пробудут. Алексей сомневался, что ему удастся прожить столько.

Время, проведенное в колонии, ожесточило, научило надеяться только на себя, быть волком-одиночкой. Решив так, спросил Фросю:

– Хочу в Москву уехать. Там богатых никто толком не щипал. Ты со мной?

– Чего я там не видела? Останусь.

– Дело твое.

Голому собраться – только подпоясаться. Проблема была в другом – поезда между Петроградом и Москвой ходили крайне нерегулярно, расписания не было. Паровозы и подвижной состав изношены, ремонта давно не видели. Выяснив все обстоятельства, Алексей решил экспроприировать машину. Действовал нагло. Увидев возле какого-то учреждения с красным флагом у входа машину с водителем, подошел, распахнул дверцу, уселся на переднее сиденье. Шоффер (именно так тогда писалось) от такой бесцеремонности на минуту впал в ступор. Потом открыл рот, чтобы отругать нахала и выгнать, а Алексей ему под нос ствол пистолета.

– Я из ЧК! Поезжай!

Водитель выбрался из автомобиля, крутанул заводную ручку, занял место за рулем. Слово «ЧК» действовало безотказно и грозно, подкрепленное оружием. Водитель тронул машину. В салоне холодно, изрядно трясет. Да и то – проезжая часть булыжная, да еще комья замерзшего снега. После революции и большевистского переворота улицы убирались скверно – и снег и кучи мусора.

– Куда едем? – осторожно спросил водитель.

– На Московский тракт. Потом скажу, куда.

– А далеко ли?

– Ты слишком любопытный!

– Бензина мало, как бы не встать на дороге, – стал оправдываться шофер.

– Заправимся, – разрешил Алексей.

К его удивлению, водитель остановился у аптеки, вернулся с двумя жестяными банками, перелил содержимое в бензобак, жестянки вернул в аптеку.

– Верст на сто ноне хватит.

Для Алексея снова удивительно. Только что заправил в бак двадцать литров и сто верст всего проедет? М-да, прожорливы моторы были. Выбрались из города.

Шоссе никто не чистил, а наверное, и техники такой еще не было, вроде грейдеров. Большинство проезжающих – на санях, на конной тяге. С трудом, буксуя и завывая мотором, удалось преодолеть полсотни верст за три часа, потом машина увязла. И сколько ни пытались ее вытащить, узкие колеса все сильнее проваливались в снег. Уже начинало смеркаться. Алексей мысленно стал себя ругать, что ввязался в авантюру. Надо было ждать на железнодорожном вокзале поезда, хотя бы в тепле. Справа от шоссе виднелась железная дорога, стоял семафор. Водитель, обреченно вздохнув, лопатой начал отбрасывать снег. Алексей по снежной целине полез к железной дороге, проваливаясь по колено, а то и глубже. Выбрался, но в ботинки набился снег, стал таять. Ногам сыро и холодно. Чтобы согреться, побежал. Через полчаса, когда подустал, сзади послышался паровозный гудок. Алексей сошел с рельсов в сторону. Мимо, обдав паром, прогромыхал паровоз, тянущий грузовой состав. Скорость маленькая, и Алексей решил рискнуть. Когда мимо проходила тормозная площадка последнего вагона, подпрыгнул, уцепился руками за поручни, подтянулся, поставил ногу на ступеньку, стал дыхание переводить. На площадке главный кондуктор, сразу к Алексею кинулся.

– Никак не можно, гражданин! Сойдите с поезда!

– Я из Чрезвычайной Комиссии! Мне по служебной надобности!

И кондуктор сразу сдулся, вроде как и усы обвисли.

– Да нет, я ничего, если по служебной надобности.

Скорость у состава невелика, но задувало сильно. Пока доехали до станции, Алексей изрядно замерз. Поезд стал тормозить, Алексей соскочил на перрон, побежал к вокзалу. Там помещение, там тепло. Внутри вокзала душно, накурено, воздух спертый. Свободное место только на полу, лавки заняты. Алексей прошел к начальнику станции, сунул ему под нос бумагу.

– Я из Чрезвычайной Комиссии. Когда будет поезд на Москву?

– Не могу знать! Расписание не выдерживается, паровозов нет, а желающих уехать – полный вокзал.

Зазвонил телефон. Начальник снял трубку.

– Тищенко у аппарата. Да, да, только водой.

Положив трубку, сказал:

– С соседней станции к нам бронепоезд идет, у нас будет остановка, паровоз воду брать будет. Поговорите с командиром, может и возьмет.

Через четверть часа на станцию прибыл бронепоезд. Посредине состава бронепаровоз, спереди и сзади от него по два броневагона, с пушками и пулеметами. По тем временам – большая огневая мощь, недостаток один – привязан к железной дороге. Паровоз подогнали к водоразборной колонке, стали заливать воду в тендер. Алексей подбежал к вагону, постучал по броне рукоятью пистолета. Думал – не услышат, поскольку звук получился слабый, но открылась дверь, выглянул солдат.

– Чего надоть?

– Командира или комиссара.

– Он на паровозе.

На тендере в самом деле возвышалась небольшая башенка. На самом тендере стоял помощник машиниста или кочегар, следил за уровнем воды.

– Эй, позови командира!

– Он в будке машиниста.

Алексей поднялся по вертикальным ступенькам, постучал. Дверца резко распахнулась, едва не сбив его на перрон.

– Мне командира бронепоезда.

– Я командир.

Алексей, держась одной рукой за поручень, достал из кармана бумагу, предъявил. Командир прочитал, вернул. Был командир в морской форме – бушлат, черная флотская фуражка, только что погон не было.

– Федоров! – обернулся командир назад. – Проводи чекиста во второй вагон, он с нами до Москвы поедет.

Алексей опустился на перрон, за ним матрос, наверное – Федоров. От матроса разило спиртным.

– Ты, что ли, чекист?

– Он самый.

– Иди за мной.

Матрос подошел к броневагону, рукоятью револьвера постучал по броне. Дверца распахнулась, и из вагона едва не вывалился пьяный солдат.

– Командир приказал взять чекиста на борт.

– Пущай лезет.

От солдата несло смесью самогона, лука и чего-то непонятного. Алексей в армии не служил, но полагал, что в армии или на флоте порядки жесткие. Нельзя пьяного служаку к оружию подпускать, беда может приключиться. Алексей забрался по отвесному трапу в вагон. Холодно, на стальных стенах от дыхания солдат иней. На него никто не обратил внимания. В команде вагона человек пятнадцать, все устроились за столом. На столе бутыль с мутным самогоном, литров на десять, наполовину пустая. Черный хлеб нарезан крупными кусками, вареная картошка в мундирах в двух железных мисках. При взгляде на еду засосало в желудке. За столом свободного места нет. Устроился в углу, у пулемета. Рядом пирамида стоит с винтовками. Вокруг голое железо, холодно. Только что ветра нет, как на улице. Заревел паровозный гудок, поезд дернулся, поехал, застучали на стыках рельсов колеса. Окон в броневагоне нет, неуютно. Попытался уснуть, а не получается – холод не дает, дрожь начала бить.

Часа через три солдаты угомонились. Кто за столом уснул, кто на стальной пол упал. Алексей подошел к столу. На дне бутыли плескалось на палец самогона. Плеснул в кружку, выпил. Рот обожгло. Крепок – первак! Подожги – загорится. Съел картошку, закусил хлебом. В вагоне слышен густой храп. Вот же вояки – хоть голыми руками бери! Алексей удивлен был. Любое воинское подразделение – это крепкая дисциплина, выполнение приказов командира, единоначалие и много чего еще. А экипаж бронепоезда – какие-то анархисты, делают что хотят. Или уже морально разложились в окопах?

Раздался звонок телефона. Сначала подумал – показалось, но звонки продолжались. Телефон висел на стене, рядом с пулеметом, довольно необычного вида, как на корабле, трубка прищелкивалась к аппарату, чтобы не упала при тряске. Алексей снял трубку.

– Алло, алло! Орлов, ты? Опять пьешь?

Алексей кашлянул. Кто тут Орлов? Но на том конце линии ответа не ждали.

– Орлов, там у тебя чекист. Ты его подпои и сбрось с поезда. Зачем нам агенты ЧК? Или прострели башку и сбрось, но документики забери. Понял?

– Ага.

Как положено отвечать, он не знал. Да и был ли у Красной армии устав в то время? Похоже – телефонировал командир, он видел мандат Алексея, и его подчиненный Федоров привел Алексея в вагон. Смерти его хотят, хотя он не сделал ничего плохого, только за то, что он чекист. Стало быть, бронепоезд принадлежит анархистам или эсерам, либо представителям какой-то другой группы. Большевик большевика не стал бы уничтожать. Алексей сразу разозлился. Не сделал ничего плохого, а его собираются сбросить. Он и сам покинет бронепоезд, но уйдет, громко хлопнув дверью. Для начала стянул с одного из пьяных овчинный тулуп, надел на себя. Тулуп новый, ему пригодится, а этому сброду – нет. Собрал одежду, уложил к ящикам со снарядами, вылил на тряпье остатки самогона. Стянул с одного из пьяных ремень с деревянной кобурой. В кобуре – маузер, такое оружие любили чекисты. А еще эти пистолеты были у летчиков и экипажей бронеавтомобилей.

На столе валялся чей-то кисет с махоркой, рядом спички. Чиркнул спичкой о коробок, бросил спичку на тряпье, сразу огонь вспыхнул. Алексей постоял несколько минут, убедился, что костер разгорается, уже занялся ящик со снарядами. Только теперь открыл задвижку, распахнул дверь. За стенками вагона темень, холодный ветер ворвался. Алексей обеспокоился – не погаснет ли тряпье? Нет, наоборот, только дым повалил удушливый. Впереди огонек показался. То ли станция, то ли полустанок. Надо прыгать. Алексей ухватился за поручни, опустился по ступенькам, постоял. Когда мимо промелькнул столб, спрыгнул. Кубарем покатился под откос. Снег и тулуп смягчили падение. Поднявшись, смотрел вслед уходящему бронепоезду. Ни огня не видно, ни дыма. Поднявшись на насыпь, побрел по рельсам на огонек. Оказалось – разъезд. Небольшое здание, дежурный. Алексей постоял на перроне, услышал сильный грохот взрыва, огонь вдалеке. Все, взорвался снаряд в ящике. Да ящик был не один. Это вам «за чекиста». Хоть и не чекист он, но убить хотели именно его. Повезло, что он снял трубку и почти не говорил, не узнал его командир по голосу. Да и сами телефонные аппараты были убогие, сомнительно, что по голосу узнать можно. Зашел внутрь здания. В комнате дежурный дремлет.

– Простите, а ближайшая станция далеко?

Дежурный стряхнул с себя остатки сна.

– До Бологого три версты.

Хм, сразу понятно стало. Бологое – это на середине пути между Питером и Москвой. Три версты, это более четырех километров, если перевести в современные единицы, час пешком. Придется пешком добираться, поезда точно не будут ходить сутки-двое из-за взорванного бронепоезда. Его же убрать с рельсов надо.

Добрался к утру, ноги в ботинках замерзли. Выручил тулуп, в нем тепло. А прежнему хозяину он уже не нужен. Об уничтоженном бронепоезде не жалел, командир сам выбрал свой путь.

Попутками, где на санях, где пешком, а один участок даже на грузовике, добрался до Москвы. Тогда она еще не была столицей. Большевики и в этом городе склонили на свою сторону несколько полков, а еще рабочих многочисленных заводов. Бои шли с 25 октября по 2 ноября 1917 года. Кремль

упорно обороняли офицеры, юнкера, гимназисты. Солдаты начали артиллерийский обстрел Кремля, продолжавшийся два дня. Были повреждены Успенский, Богоявленский, Николо-Гостунский соборы, собор Двенадцати апостолов, повреждена колокольня Ивана Великого, Патриаршая ризница, башни Кремлевской стены – Спасская и Беклемишевская.

А уже 6 декабря парламент Финляндии принял решение о выходе из состава России. Совет народных комиссаров 18 декабря признал независимость Финляндии. Удержать силой было невозможно, не было таких сил. Да большевикам было не до потери земель, самим бы удержаться у власти. Власть для них сейчас была самым главным.

Правда, Петроград оставался столицей недолго. Город был уязвим с моря, недалеко проходил фронт и стояли немцы, а после отделения Финляндии до новой границы было всего 35 километров. Кроме того, служащие госучреждений советскую власть не признали, бойкотировали. А еще в городе много людей флотских, склонявшихся к эсерам и анархистам. Большевики не чувствовали себя в безопасности и приняли решение перенести столицу в Москву. Подготовку начали скрытно. Сначала поездами, под серьезной охраной, небольшими количествами, в Москву перевезли золотой запас, затем экспедицию изготовления государственных бумаг, потом иностранные посольства, подобрав им в Москве подходящие здания, как правило – особняки дворян и промышленников, бежавших от революционных потрясений за границу. И только 10 марта 1918 года с остановочного поста «Цветочный», станции товарной, отправила поезд № 4001 с членами большевистского правительства. Подъезжали и грузились скрытно – благо – от Московского проспекта остановочный пост всего в 750 метрах. До отправления свет в вагонах не зажигали, шторы на окнах не открывали. Боялись большевики народа, над которым хотели властвовать. В Москву поезд прибыл 11 марта.

Алексей добрался до Москвы в конце декабря. По воровским понятиям ему следовало бы жить на «малине», но он предпочитал затихариться, снял квартиру. Благо – желающих сдать жилье много. Работы нет, предприятия стоят, денег нет и сдача квартиры или комнаты в аренду для многих – единственный шанс выжить. У кого была родня в деревнях – уезжали до лучших времен туда. В селе сытнее и спокойнее. В Москве засилье преступности, а еще ЧК проводила массовые аресты членов партий, не согласных с большевиками, а также людей зажиточных, от владельцев небольших предприятий до лавочников, поскольку они кровопийцы и контрреволюционный элемент. У таких изымались квартиры,

заселялись пролетариями. В лучшем случае для хозяев – уплотнялись, превращались в коммуналку. Заводы стояли, продукция не выпускалась или выпускалась в малых количествах, зато митинги и собрания проводились часто, большевики рассказывали о мировой революции, о щедрых подарках для народа – земле для крестьян, заводах – рабочим. Обещания не сбылись, впрочем, как и все, о чем вещали ораторы.

Руководитель ВЧК Ф. Э. Дзержинский был инициатором «красного террора». Не воровал, не пьянствовал, но был жесток и беспощаден. Именно он для устрашения населения ввел массовые захваты заложников, пытки и расстрелы. Для него не нужны были доказательства вины задержанного, а только классовое происхождение. Если не пролетарий или крестьянин, а купец, промышленник либо интеллигент, значит – классовый враг. Таких ставили к стенке. За период его руководства от рук чекистов были убиты (по разным оценкам) от 1,7 до 2,1 миллиона человек. Причем, изгоняя буржуев из их особняков, новая власть сама занимала эти здания. Например, ВЧК расположилась на Лубянке в здании бывшего страхового общества «Якорь», строения монументального, добротного.

Алексей, когда оставил у себя мандат убитого чекиста, не предполагал, что и сама ВЧК и ее сотрудники будут вызывать у обывателей трепет и ужас. И только в Москве в полной мере осознал вес документа. Буквально через несколько дней после приезда в столицу возвращался на съемную квартиру. И вдруг из проходного двора красногвардейский патруль – впереди рабочего вида мужчина с красным бантом на груди, за ним двое солдат 56-го пехотного полка, судя по нашивкам. У солдат винтовки с примкнутыми штыками, у рабочего на ремне – револьвер в кобуре.

– Стоять! – приказал рабочий. – Документы!

Алексей не спеша достал из внутреннего кармана бумагу, предъявил. Рабочий прочитал, лицо его сразу из нагловато-требовательного стало заискивающим.

– Прошу прощения, товарищ! Не смеем задерживать.

И вернул бумагу. Алексей такого эффекта сам не ожидал, приосанился. Зато понял – надо действовать быстро. Пока правительство не все переехало в Москву, но готовится, следует осмотреть Кремль, подходы и охрану Патриаршей ризницы. И мандат чекиста будет его прикрытием.

Следующим же днем отправился в Кремль. Никакой охраны у ворот башен! В Кремль ходили все. Большинство в монастыри на богомолье. За триста лет петровского Петербурга Москва утратила столичный лоск и респект. Алексей поразился неубранному снегу, мусору. В его время Кремль был чисто убран, под охраной, а вход по билетам. Порадовался тому, что учил историю, пусть и не все ее периоды, обучение-то не закончил. Обошел колокольню Ивана Великого, внутрь зашел. Ступени наверх вели, но были перегорожены железной решеткой с замком. Одного взгляда хватило, чтобы понять – замок, хоть и велик и солиден с виду, довольно простенький. Подосадовал, что в колонии освоил ремесло карманного вора, а не домушника. Никогда «щипач» не будет иметь такой добычи, как домушник. Насколько он помнил, кража в Патриаршей ризнице «потянула» на тридцать миллионов золотых царских рублей. Сумма просто оглушительно огромна, никакой «щипач» за всю жизнь столько не стырит. Но хоть и подфартило «мазурикам», однако толково распорядиться добычей воры не сумели. Кроме официального входа, что вел с лестницы, на второй этаж, можно было проникнуть в ризницу через камеру печи для отопления и дальше по воздуховодам. Печь на первом этаже, горячий воздух от нее шел вверх по каналам, обогревая богатые дома, царские покои или церкви. Другой вариант для проникновения в хранилище – через окно, выходящее в угол, к Царь-колоколу. Оно зарешечено, но можно спилить, ибо на территории Кремля в эту лихую пору освещения нет, а охрана состоит из солдатских патрулей, несущих свою службу халатно. Офицеров, этих кровопийц, нет, спрашивать за службу некому, потому службу несли спустя рукава. Этим путем в ризницу забрались настоящие воры, вынесшие несколько мешков ценностей. Мало того, что воры собрали самые ценные, по их понятиям, предметы в тюки, так они сбросили их вниз, на землю, погрузили на подводу и вывезли. И ни один солдат не спросил – а что у вас в мешках? Да почему ночью вывозите? К тому же вор – он свой, пролетарий, только оступившийся. А все, что в Теремном или других дворцах, оно царское, стало быть ныне народу принадлежит. Да еще товарищ Ленин говорит, что религия – опиум для народа. Пройдет совсем немного времени, считанные месяцы, как церковные ценности национализируют, с церквей посбивают купола с крестами, устроят там склады, мастерские и конюшни, а священников «для перевоспитания» отправят в трудовые лагеря или расстреляют. Национализированные ценности, представлявшие собой не только ювелирное, но и историческое значение, в казну попадут не все. Часть прилипнет к рукам реквизировавших. Малообразованные, не понимавшие, что попало им в руки, молотками разбивали оклады икон, кадила, дарохранительницы, превращая в золотой лом. Описываемые по весу – полпуда лома золотого и четыре фунта серебра, а еще каменьев половина шапки. А уж какие каменья – изумруды, сапфиры или бриллианты – одному Богу известно.

Так что, собираясь обокрасть Патриаршую ризницу, Алексей большого святотатства не совершил бы. Ее все равно обворуют, часть похищенного найдут, но не все. Кража на огромную сумму подтолкнет Ленина и правительство к мысли – национализировать имущество церкви, как и сами храмы. Это же какие богатства задаром достанутся! Не прилагая усилий, можно и продовольствие за границей закупить, и станки и паровозы. Большевики понимали – народ надо подкармливать, иначе устроят бунт, снесут новую власть. Голодному человеку терять нечего, а советская власть не окрепла настолько, чтобы уподобиться каменной глыбе, которую не сдвинуть. И репрессивный аппарат – милиция, ВЧК еще в зачаточном состоянии, нет опыта. Партия набирала в эти органы людей, идейно преданных идеалам Маркса – Энгельса, из рабочей среды. Крестьянство – лишь союзник, а гегемон – пролетарий. Хотя все руководители – правительство, да и сам Ленин, никогда рабочими не были и не работали. Тот же Ульянов-Ленин в первую очередь мстил царскому режиму за казненного брата. За участие в оппозиционном движении был в ссылке, причем жил там неплохо, получая, как и другие ссыльные, деньги на содержание. Ходил с ружьишком на охоту, вкушал все прелести жизни. Потом эмигрировал, жил за границей, в гостиницах или на хороших съемных квартирах. Проживал на деньги партии социал-революционеров. Часть денег в фонд партии жертвовали промышленники, еще часть доставалась грабежами, тем же Кобой Джугашвили, позже взявшем псевдоним Сталин. Хитрый и жестокий грузин убил чужими руками всех партийцев из прежнего окружения, сам стал первым.

Алексей, стараясь не привлекать внимания, осмотрел подходы. Самое простое – через печь на первом этаже и от нее по воздуховодам в толстенных каменных стенах в ризницу. Но будешь грязный, как черт из преисподней, да и где гарантия, что не застрянешь? Ревизию воздуховодов не проводили последние два года. А застрянешь – на помощь никто не придет, не услышит за толстыми стенами.

Придется через окно, которое выходит к Царь-колоколу. Неудобно, второй этаж, от земли высоко. И лучший способ добраться – кошка и веревка. Кошка – это железный инструмент, похожий на якорь, только с тремя или четырьмя «лапами». За веревку раскручивается и забрасывается. Хоть на высокую стену, хоть на решетку. А чтобы руки по веревке не скользили, на веревке вяжутся узлы, через каждые тридцать-сорок сантиметров.

И веревку приобрел, и кошку трехпалую, и ножовку по металлу. Половину дня узлы на веревке вязал. Вечером стал тренироваться – забрасывал кошку на стену полуразрушенного здания. Руку набил, стало получаться. А еще прочный холщовый мешок приобрел. В нем к ризнице инструмент можно принести, не привлекая внимания. И если получится удачно, то и добычу унести. Кражу замыслил в ближайшую ночь провести. Решил выспаться перед делом, лег в постель, а сон не идет. Дело-то трудное, как бы не сорвалось из-за мелочи. Все ли предусмотрел? Начал каждое действие обмозговывать. Оп! Вот дурак-то, прости господи! Ни фонаря, ни свечки не предусмотрел. Мало того что придется ночью действовать, так еще в закрытом помещении, где ни зги не видно. Куда и сон подевался! Время позднее, все лавки, где свечами торгуют, закрыты. А еще спички нужны, свечу зажечь. Стало быть – не судьба сегодня на дело идти.

С электрификацией в Москве плохо. Не все дома электрифицированы, в основном в центре города многоэтажные. Да еще на электростанциях не хватало топлива, поэтому в домах свет на несколько часов и холодно. Повезло тем, у кого печи. Спасаясь от холода, в печах жгли все, что могло гореть – дрова, доски заборов, книги, уголь. Уголь ценился более всего, потому что жар давал сильный, ровный. Но стоил дорого и с ним были перебои. Украина под Петлюрой и немцами, донбасский уголь не поступает почти, месторождений в Кузбассе еще не разведано, а подмосковные бурые угли тепла давали мало, да и шахты простаивали.

С утра хотел зайти в церковную лавку и купить восковых свечей там. Но усовестился. Грабить ризницу, да с церковными свечами – уж вовсе перебор. В Бога не верил, но было сомнение. А вдруг Он есть, и святотатства не простит. Купил в обычной лавке парафиновых свечей, к тому же они дешевле. А еще коробок спичек. Спички опробовал – не отсырели ли? Горели исправно.

И не подозревал Алексей, что ризницу прошлой ночью обокрали. Пошел бы на дело, столкнулся с грабителями. А поскольку люди они в преступном мире не новые, с богатым уголовным прошлым, жестокие и безжалостные, то встреча могла быть для Лехи печальной. Бандитам свидетель ни к чему. Правда, поторопились «мазурики». Действовали при масляном фонаре, хватали в первую очередь золотые изделия. Золото можно превратить в лом, переплавить в слитки, товар ходовой. А хоть и опыт имели богатый, не учли, что есть в ризнице вещички подороже золота – каменья драгоценные. В их числе бриллианты, сапфиры и изумруды, все крупные, редкие, хорошей огранки и стоимости немалой. Да что с грабителей взять? Неучи, все желание – украсть побольше,

пожить всласть – жратва от пуза, выпивки побольше и женщины не самого серьезного поведения. Однова живем! Мешки с добычей сбросили на землю, спустились по веревке. Последним покидал ризницу Константин Полежаев. Решетку на окне, ловко выпиленную, на место пристроил, рассудив, что если на окне решетки не будет, поднимется тревога. А еще – мысль родилась. То, что сегодня награбили, поделить поровну. Ночью же еще раз наведаться, унести другие ценности. Если все добро изъять, тут еще не на одну телегу хватит. Велика и богата ризница, не одно столетие собиралась, лучшие образцы ювелирного искусства сделаны превосходными мастерами.

Однако после бессонной ночи «мазурики» решили обмыть необыкновенный фарт. Столько взять на краже редко кому удавалось. Тридцать миллионов рублей золотом! Еще царских золотых рублей. Пожалуй, что и не было в истории России подобных краж. Напились сильно, в стельку. Еще бы, отныне до смертной доски обеспечены всем, как говорится – сыт, пьян и нос в табаке. Или кокаине, это кому как нравится. Пагубное пристрастие в годы революции и после нее распространено было широко, особенно в преступном мире и артистической богеме. Упились до бесчувствия и о повторном посещении ризницы Полежаев уже не помышлял. Вор, да еще в лихое время, одним днем живет. Украл, выпил, погулял – в тюрьму. А при большевиках и посадок не было. Полиция разогнана, суды распущены – буржуазный пережиток! Преступность всех мастей голову подняла. В феврале-марте 1917 года из тюрем были выпущены по амнистии все уголовники и политические. В уголовное подполье вернулись самые опытные и жестокие, начали сбивать банды и грабить, бандитствовать. Тем более у большевиков лозунги похожие, реквизировать у богачей народное достояние. В переводе на блатной – грабь награбленное! И грабили, и убивали.

Алексею повезло второй раз, ибо не столкнулся в ризнице с Полежаевым или его подельниками. Во-первых, трудно сменить «масть». Он щипач, карманник, а здесь требуются навыки «домушника», вора квартирного. Вскрыть окно или дверь, инструменты для этого иметь, опыт пользования всякими отмычками. Да и на дело домушники в одиночку редко ходят. Один на стрёме стоит, другой замок ловко отпирает, третий мгновенно находит в доме или квартире спрятанные ценности, ибо нюх у него на «цацки». У людей богатых до революции деньги и золотые украшения хранились в домашних сейфах. Солидно сделанные, из хорошей стали, замки замысловатые. А только ключи размеров и веса большого, редко кто при себе их носил, чаще прятали дома. Полагали хозяева – коли в месте необычном спрятать ключик, так воры и не найдут. Да только мест таких немного, по пальцам одной руки пересчитать можно. В ящике письменного стола, под подушкой в спальне, под ковром в гостиной, да еще

пару мест. Опытный домушник, обнаружив встроенный в стену сейф, вскрыть его не пытался, искал ключ. Четверть часа поисков и, как правило, успех.

У Алексея навыков не было, щипачи чаще в одиночку работают, потому сообщников не искал. Он бы и не рискнул, не подумал о ризнице, кабы не исторические данные. Ведь попадись он на краже, никто бы его никуда не повел. Полиции нет, в самом Кремле несколько монастырей с монахами, храмы. В порыве праведного гнева монахи бы его просто растерзали, забили камнями за покусительство на святое.

На ночь ворота Кремля не запирались, охраны не было, а когда и выставлялись караулы, службу несли спустя рукава – спали, играли в карты, а то и самогон пили. Дисциплина низкая, офицеров постреляли или изгнали, командирами команд свои, выборные из солдат. И зачем напрягаться, охраняя оплот реакции – монастыри и церкви? Ленин сказал: религия – опиум для народа. А то, что ценности огромные рядом хранятся, так и не знали. Да и знали бы, службу лучшим образом не несли. Все равно грядет мировая революция, не завтра, так послезавтра, деньги отменят, кровопийц-капиталистов сбросят в море-океан и наступит всеобщее счастье. Тем более большевиками была обещана крестьянам землица.

Так что прошел Алексей на территорию Кремля свободно. Ночь, темнота полная, ни одного фонаря работающего нет. У колокольни Ивана Великого остановился, погладил Царь-колокол. На втором этаже едва видно небольшое оконце, на первом этаже стенка глухая, без окон. Осмотрелся, прислушался – тишина. Даже перебреха дворовых псов не слышно. Высокие крепостные стены отсекали все городские звуки. Да и какие звуки ночью? Трамваи не ходят, горожане спят, по городу или шастают «мазурики», желающие ограбить припозднившегося прохожего, или мерным шагом проходят патрули.

Алексей достал кошку, раскрутил ее за веревку, забросил на решетку. Получилось удачно. Кошка звякнула железом о железо, зацепилась за решетку. Алексей забросил на спину мешок, к которому была привязана бечевка по примеру рюкзака. Там свечи, спички. А обратно в этом мешке он хотел вытащить добычу. Боялся, что железный стук кошки о решетку будет услышан. Как бы не так, тишина полная. Поплевав на ладони, стал подтягиваться по веревке, упираясь ногами в стену. Метра на четыре успел подтянуться, еще столько же осталось, как кошка сорвалась и вместе с подпиленной решеткой рухнула вниз, на Алексея. Мало того, что ушибся при падении, так еще и решеткой ударило

прилично, ибо весу в ней не менее полупуда. С одной стороны – даже удачно, потому как решетка упала на тело и грохота не издала, никого не обеспокоила. Алексей чертыхнулся, решетку с себя столкнул. Грудная клетка болела. Постанывая от боли, поднялся. Странно, при осмотре днем решетка показалась прочной, почему тогда отвалилась? Снял с плеч бечевки, вытащил свечу, зажег, поднес к прутьям. Решетка работы старинной, прутья кованые, такие сгнить не должны. Поднес свечу к крайним прутьям, а там железо сверкает свежим распилом. Опоздал! Кто-то до него уже успел в ризницу забраться! Можно попробовать забросить кошку еще раз, зацепиться за подоконник и взобраться. Цель близка, рядом, но каждое движение руками, даже глубокий вдох, вызывали острую боль в грудной клетке. Да и найдет ли он там что-нибудь после кражи? Постоял с минуту, да и поплелся несолоно хлебавши. Похоже – сменить масть не получилось. Прошел через Спасскую башню на Красную площадь, а здесь патруль.

– Стой, кто идет?

– Свои, ЧК! – солидно ответил Алексей.

Подошли, при свете масляного фонаря прочитали бумагу, которую предъявил Алексей.

– Извиняйте, служба!

У Алексея при себе ничего подозрительного. Мешок с ножовкой по металлу и кошку с веревкой бросил за колоколом. При патруле старался держаться ровно, не кривиться от боли, не застонать. Во всем сегодня невезуха. С кражей не получилось, опередили. Упал, да еще что-то себе отбил, ребра болят. Надо бы отлежаться, шарить по чужим карманам он пока не сможет, а деньги уже на исходе. Доплелся до съемного жилья, кое-как разделся и разулся, осторожно лег в постель. Проспал до полудня. Грудная клетка еще болела, но не так сильно. Попил чаю с куском хлеба и решил в город не ходить.

А на следующий день, как только вышел, оглушил крик мальчишек, размахивающих газетами.

– Кража из Патриаршей ризницы!

Газету купил, да многие покупали, не каждый день громкие происшествия происходят. Отошел в сторону, на второй полосе «Московских ведомостей» прочитал заметку. Невелика статья и конкретики мало. Сообщается, что ризничий вчера совершал проверку сокровищ. Причем не один, было обнаружено хищение, в ризнице беспорядок, дорогие оклады к иконам на полу ризницы валялись. А еще сказано, что сотрудники уголовно-розыскной милиции приступили к расследованию. Удивился Алексей, как тесно события сплелись. В одну ночь кража, затем его попытка и падение, а на следующий день – ризничий обнаружил кражу. Фамилия главаря Алексею известна из истории, но где он прячется и кто подельники, не знал. Да и знал бы, в ЧК или милицию не пошел. Сдать органам правильного вора – западло. Скорее бы сам у Полежаева или подельников украл. Поел в рабочей столовой завода «Красный металлист». Туда вход по пропускам, но бумага из ЧК открывала любую дверь.

Конечно, попадись он на краже с поличным, «ксива» не спасет, побьют и фамилию не спросят. В Москве у большевиков есть временные союзники, вроде левых эсеров и нежелательные конкуренты, анархисты. Причем к моменту переезда в город большевистского правительства и государственных учреждений анархисты имели значительные силы. «Черная гвардия», как называли себя анархисты, имели символом черный флаг, девиз – «анархия – мать порядка». Идеологом движения был князь Кропоткин, которого Ленин уважал за теоретические труды. К марту 1918 года анархисты заняли в Москве 25 крупных особняков, которые – ну совсем случайно – располагались в стратегически важных точках города – у телеграфа, вокзалов, банка. Анархисты, крайне недовольные переносом столицы в Москву и появлением в городе большевистских учреждений, готовили вооруженное выступление, назначенное на 18 апреля. Большевики решили бунт анархистов задушить на корню, и в ночь на 12 апреля ВЧК начала разоружать последователей князя Кропоткина. Сделать это было непросто, анархисты имели не только стрелковое вооружение, но и тяжелое – пулеметы Максима, трехдюймовые пушки. На ступеньках – баррикады из мешков с землей, вооруженная охрана. Вопреки распространенным большевиками ложным сведениям, среди анархистов уголовного элемента не было. Чтобы вступить в партию анархистов, надо было иметь рекомендации двух членов партии со стажем и пройти кандидатский срок.

На Малой Дмитриевке – «Дом анархии», фактически штаб «Черной гвардии». Чекисты начать штурм решили с него. И встретили отпор. И не одиночные выстрелы из револьверов, а сосредоточенный огонь двух пулеметов со второго этажа здания и прицельные выстрелы трехдюймовой пушки, что стояла перед

крыльцом, стволом к парадным воротам усадьбы. Пушка сделала несколько выстрелов, чекисты, поддерживаемые солдатами, потеряли несколько человек убитыми и десяток ранеными, откатились.

В это время Алексей возвращался к себе на съемное жилье. И вдруг пулеметные очереди, винтовочные выстрелы, потом бабахнула пушка. Один раз, другой, третий. Алексей выхватил из кармана «браунинг». Пистолет невелик, выступающих деталей нет, из кармана выхватывать удобно, не зацепится и подкладку не порвет. Из-за решетки дворовой ограды выбежали полсотни человек, постарались укрыться, большей частью за высоким фундаментом ограды. Несколько человек ранены, стонут. Алексей хотел уйти, обогнуть квартал. Из пушки и пулемета уголовники стрелять не будут, стало быть, это разборки большевиков с другими партиями. А влезать в партийные склоки Алексею вовсе не хотелось. Идеологию ни одной партии, коих было множество, он не разделял, разве что партии «зеленых». «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют». Да не случилось уйти. Один из лежавших на асфальте направил на него револьвер.

– Брось оружие, застрелю!

– Я из Петроградского ЧК, сам бросай!

– А, так ты свой! Помоги лучше до какой-нибудь больницы добраться, зацепило меня.

– Это можно.

Алексей убрал оружие в карман, а чекист револьвер спрятал в кобуру. Алексей помог мужчине подняться. В двух кварталах была больница, он видел ее, когда проходил мимо. Поддерживая раненого, довел его до приемного покоя, завел. В приемном покое керосиновые лампы горят, относительно светло. Алексей смог лицо раненого разглядеть. Санитарка сбегала за врачом, тот попросил раненого раздеться. Алексей помог снять куртку, держал ее в руках. Да еще успел быстро и незаметно карманы обшарить, пока доктор за ширмой оказывал раненому помощь – вытащил пулю из плеча, наложил шов, перебинтовал.

– В больницу положить не могу, – развел руками доктор. – Мест свободных нет, много холерных, знаете ли. Да-с, профиль у нас такой, больница инфекционная.

Алексей передернул плечами. Черт его сюда занес! Не хватало только заразу какую-либо подцепить! Чекист спросил:

– Телефоном воспользоваться можно?

– Это пожалуйста.

Доктор ушел. Чекист прошел к столу, снял трубку телефона, несколько раз нажал на рычаг.

– Барышня, соедините с ЧК. Да, на Лубянке здание бывшего страхового общества «Якорь».

Минуту пришлось подождать.

– Товарищ Петерс? Фомин у аппарата. На Малой Дмитровке анархисты дали серьезный отпор. Стреляют из пушки, пулеметов. Срочно нужна подмога, полсотни солдат и пулемет, причем с командиром. Я ранен, нахожусь в больнице, руководить штурмом не могу.

Что говорил Петерс, Алексею не слышно.

– Да, хорошо бы. Буду ждать.

Чекист положил трубку, уселся на стул.

– Спасибо за помощь, товарищ! За мной пришлют машину, а ты можешь быть свободен. Как твоя фамилия?

– Семыкин, – четко произнес Алексей фамилию, что была написана в мандате, изъятом у убитого чекиста.

– Тоже задействован в операции?

– Да, у особняка Цейтлина.

Алексей проходил мимо особняка несколько раз и видел черный флаг у входа и вооруженных людей. Сказал, чтобы что-то ответить, но попал в точку.

– Да, там тоже осиное гнездо «Черной гвардии». Удачи тебе, товарищ!

– И тебе!

Среди чекистов и пролетариев на «вы» не обращались, это буржуазный пережиток. Пока Алексей возвращался к себе, во временное жилье, слышал, как в разных районах города идут перестрелки. Но зато теперь знал, что чекисты давят инакомыслящих. Большевики в октябрьском перевороте привлекали союзниками другие партии, чтобы умножить число активных штыков. А как только власть оказалась у них, стали огнем и мечом уничтожать в прямом смысле слова, не идеологически, а физически, анархистов, левых эсеров, социалистов-мартовцев, абсолютно всех, кто появился на политическом поле.

Кстати, последний оплот анархистов в особняке Цейтлина пал в полдень 12 апреля. За время боев с «Черной гвардией» было убито более сорока анархистов, двенадцать чекистов. О раненых достоверных сведений не имеется. Восстания анархистов прокатились по многим губерниям. В Городце Нижегородской губернии, в Новочеркасске, бывшей казачьей столице войска Донского, в Курске и Самаре. Все были утоплены в крови. Анархисты были разгромлены, но не все, и руководителю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому попытались отомстить.

Теоретик анархизма, князь по рождению, Петр Алексеевич Кропоткин был в первую очередь выдающимся ученым-географом. В молодости примкнул к революционерам, за что преследовался царским правительством, а потом и вовсе уехал за границу. После февральской революции 1917 года вернулся в Россию, анархисты пытались вовлечь его в свое движение, возглавить, но пожилой князь отказался. К нему дважды приезжал Нестор Махно и, видя нищенское положение ученого, взял его семью на содержание. Князь с семьей из беспокойной Москвы перебрался в 1921 году в Дмитров, где и умер. Гроб с телом выставили в бывшем здании Московского дворянского собрания, ныне Колонный зал Дома союзов. С телом прощались и люди благородного звания, и анархисты. Кстати, многих арестованных анархистов под честное слово выпустили из тюрем для прощания. И ни один не нарушил данного слова, все вернулись в узилища. Князь был уважаем и большевиками – Лениным, Дзержинским, и анархистами, и членами других партий, в частности эсерами.

Добравшись до съемного жилья, Алексей разделся, затопил буржуйку, в комнате холодно. Когда огонь разгорелся, поставил на печку чайник, потом сел на стул, достал из пальто бумаги, которые вытащил из куртки чекиста Фомина. Оказалось – талоны на питание трехразовое в столовой ВЧК. Что порадовало – не именные, не была указана фамилия. Хм, использовать, что ли? Соблазнительно, поскольку Алексей не сомневался, что будут мясные или рыбные блюда. Рискнуть? Вообще-то страшно. Если разоблачат, что он не сотрудник, кончится плохо. Повесят на него убийство этого Семыкина, которого Алексей не убивал, да и к стенке поставят. Не пошел бы, да в последнее время фарт не шел. Вытащит бумажник, а в нем только мелкие деньги, на проезд в трамвае и хлеб. Оно понятно. Богатеи или уехали за границу, либо в сырой землице лежат с пулей в башке. Были еще дальновидные, уехали с кубышкой и семьей подальше от больших городов, от революций, от ВЧК. В Сибири или на Урале куда как спокойнее, особенно подальше от Транссибирской магистрали.

На трамвае почти до Лубянки доехал, пешочком, не спеша прошелся к площади, по пути привычно глазами по одежде прохожих «шарил». Вон гражданин из «бывших» идет, поскольку хорошее драповое полупальто, шляпа, добротные полуботинки. Но все уже поношено, видело лучшие годы, да и свободновато на гражданине сидит, исхудал владелец. Впереди идет матрос, в бушлате и бескозырке, опоясан ремнем. Матросов в Москве не так много, как в Петрограде, не морской город Москва, поэтому обращал на себя внимание. Матрос повернул за угол, выйдя на тротуар перед зданием ВЧК. Тогда организация по борьбе с контрреволюцией и саботажем занимала одно крыло. Это с сентября 1919 года ВЧК займет все огромное здание целиком.

Матрос расстегнул бушлат, правой рукой вытащил из внутреннего кармана предмет и метнул его в окно второго этажа. Алексей не понял – камень матрос швырнул? Звон стекла, а потом взрыв. Из здания посыпались стекла. Матрос бросился бежать, и только тогда Алексей понял – покушение, теракт! Вокруг полно прохожих. Что на него нашло? Сам бросился бежать за матросом, на ходу вытягивая пистолет из кармана.

– Стой! – закричал Алексей.

Матрос был уже в полусотне метров. Он обернулся, дважды выстрелил в сторону Алексея. Завизжали женщины. На взрыв и выстрелы из подъезда выбежали двое солдат из охраны ВЧК. Сразу вскинули винтовки. Что для трехлинейки полсотни метров? Куцый залп из двух винтовок – и матрос рухнул. Люди с тротуара

разбежались, кому охота попасть под шальную пулю? Солдаты обернулись, на тротуаре Алексей с пистолетом в руке. Солдаты передернули затворы.

– Я свой, из ВЧК, – крикнул Алексей.

Поднял правую руку с зажатым в ней пистолетом, показывая, что стрелять не собирается. Из подъезда выбежали двое, явно чекисты. Кожаные куртки, кожаные фуражки с тульей, своеобразного пошива. Один сразу закричал:

– Брось оружие и подними руки!

Алексей не стал медлить. Наклонился, положил пистолет на асфальт, выпрямился, поднял руки.

– Иди сюда! Только медленно.

Алексей подошел. Из подъезда выскочил еще один чекист.

– Взрыв в кабинете товарища Дзержинского! – выкрикнул он.

– Вот он террорист! – указал на Алексея один чекист.

Алексей вышедшего последним узнал. Это был Фомин, раненный в руку при штурме дома анархистов.

– Это свой, из ЧК! – сказал Фомин.

Подошедшие солдаты из охраны подтвердили.

– Вон тот, которого мы стрельнули, стрелял в этого, – один из солдат ткнул пальцем в Алексея.

– Ну да, матрос бомбу бросил, я его преследовал, хотел задержать, – не стал молчать Алексей.

Сейчас молчать себе дороже.

– Труп убрать, нечего ему на тротуаре прохожих пугать. Несите его в подвал, обыскать тщательно.

Солдаты забросили за спину винтовки, подошли к убитому.

– Пойдем к товарищу Дзержинскому, может – помощь нужна? – сказал Фомин.

Алексей подумал: можно не спешить. Если председатель ВЧК погиб, ему не помочь, если ранен, наверняка уже вызвали медика. В кабинете Дзержинского было уже человек пять сотрудников. Стенки кабинета изрешечены осколками, письменный стол перевернут, везде пыль. Уцелеть было невозможно. Один из сотрудников удивленно спросил Феликса Эдмундовича:

– Господь помог? Так вы же атеист!

– Как граната в окно влетела, я в сейф спрятался, тем и уберегся.

Все посмотрели на сейф. Огромный, в человеческий рост, с толстыми стальными стенками, он представлял отличное укрытие. Сейф остался еще от прежних хозяев – страхового общества «Якорь». Вытащить его было невозможно, такие махины устанавливались еще во время строительства. Дзержинский пояснил:

– Повезло, что дверца сейфа была открыта. Я туда запрыгнул, дверь почти за собой прикрыл. И тут взрыв.

После этого неудавшегося покушения кабинет Дзержинского перенесли на другую сторону здания, в кабинет, окна которого выходили во внутренний двор, где располагалась внутренняя тюрьма для подследственных. А Дзержинский среди чекистов получил прозвище «Железный Феликс».

Глава 3

ЧЕКИСТ

Когда сотрудники вышли в коридор, Фомин спросил:

– Ты из какого отдела?

– Я из Петрограда переведен, еще не знаю.

– Тогда идем в кадры. Давай ко мне, ты парень решительный, боевой. Нам такие нужны.

ВЧК имело несколько отделов – по борьбе с контрреволюцией – главный и самый многочисленный, по борьбе со спекуляцией, тюремный, организационный, контрразведывательный. Позже появились железнодорожный, военный, иностранный, по борьбе с контрабандой, по борьбе с враждебной деятельностью церковников, так называемый шестой отдел.

При переезде из Петрограда в Москву весь архив ВЧК и личные дела были доставлены в первую очередь. Фомин сам представил Алексея кадровику.

– Из Петрограда товарищ. Отдай его мне, я лично знаком.

Кадровик прочитал бумажный мандат на имя Семыкина, нашел личное дело.

– Хм, записи о переводе нет.

– Я получил личное задание от товарища Урицкого.

Моисей Урицкий был главой Петроградского ЧК. Об оперативных делах знал только начальник отдела и председатель ЧК. Если бы не Фомин, заявивший, что лично знает Алексея, наверное, делали бы запрос в Петроград. Но еще была неразбериха после переезда из Петрограда в Москву, к тому же не существовало четких правил, и кадровик удовлетворился объяснением.

– Сейчас выпишу новый мандат, а то непорядок. Сотрудник в Москве, а мандат петроградский.

Кадровик долго тюкал одним пальцем по клавишам печатной машинки «Ундервуд», потом сам сходил к Дзержинскому, подписал мандат, поставил

печать и вручил Алексею.

– Получи талоны на питание и распишись. Ты где квартируешь?

Алексей назвал адрес, получил под роспись талоны, вышел в коридор. Все произошло как-то быстро. Матрос, взрыв, стрельба, Фомин, и вот он сотрудник Московской ЧК. Попал, как кур в ощип, сам того не желая. Повезло, что в личном деле не было фотографии. Немного позже фотографы в штате ЧК появятся – фото сделать на документы сотрудников, а главным делом – фото в дела обвиняемых в государственных преступлениях.

Кстати, с сентября 1919 года ВЧК заняло все огромное здание на Лубянке, освободив его от жильцов и учреждений. Штат сотрудников ЧК разрастался.

Дзержинский, до того, как примкнул к большевикам, был и анархистом, и эсером, и к бывшим однопартийцам относился снисходительно, а зря. В начале июля 1918 года левые эсеры, опираясь на отряд ВЧК под командованием левого эсера Попова, подняли мятеж. А чекисты Яков Блюмкин и Николай Андреев заявились в немецкое посольство, убили посла, графа Мирбаха, бросив в него бомбу и выстрелив из револьвера, и ухитрились сбежать. Дзержинский о готовящемся покушении знал, но мер не принял, поскольку был против подписанного большевиками мира с Германией в Брест-Литовске. К вечеру 7 июля мятеж отряда Попова был подавлен, а сам Дзержинский снят с должности и арестован. Заместитель «Железного Феликса» Александровский и двенадцать чекистов из отряда Попова были расстреляны, а Блюмкин и Андреев получили по три года тюрьмы. Дзержинского допрашивал сам Ленин. Доверие ЦИК и партийной верхушки к ЧК пошатнулось. Но уже двадцать второго августа Дзержинский был восстановлен в должности, мало того, с марта 1919 года одновременно возглавлял созданное НКВД, а с августа 1919 года и особый отдел ВЧК – военную контрразведку. И это не все. С октября 1919 года становится председателем совета войск военизированной охраны, а с ноября – войск внутренней службы, занимавшейся охраной и конвоированием заключенных. В одних руках сосредоточилась огромная власть над силовыми структурами. А фактически в каждой руководил его заместитель.

И вновь эсеры, которые занимали в Советах и Правительстве изрядную долю должностей, отличились.

В июне 1918 года на Обуховском заводе Петрограда эсером Никитой Сергеевым был убит комиссар по агитации и печати Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн). А 30 августа 1918 года в Петрограде был убит эсерами председатель ЧК Урицкий. В этот же день в Москве, на заводе Михельсона эсерка Фанни Каплан четырежды выстрелила в Ленина, две пули попали в вождя и ранили. Большевики простить террор со стороны эсеров не могли, это покушение на власть. Эсеры были удалены с постов. По постановлению СНК от 5 сентября 1918 года был объявлен «Красный террор», по классовому принципу, повсеместно и в широких масштабах. В Петрограде чекисты, разозленные убийством Моисея Урицкого, отличились особой жестокостью. Не мудрствуя лукаво, взяли адресную книгу. Такие выпускались ежегодно, в них и адрес, и род занятий владельца квартиры или дома. Ежели указано – мещанин или купец 2-й или 1-й гильдии, промышленник или чиновник, считай – приговорен.

Адресные книги при большевиках не выпускались совсем, пользовались царского выпуска, в последний раз такая книга выходила в 1916 году, а чиновники указаны по классам, к примеру, коллежский асессор. За короткое время без суда и следствия были расстреляны десять тысяч человек, причем не только мужчин, зачастую казнили всю семью – родителей и детей несчастного чиновника. Страна замерла в страхе. Чекисты арестовывали свои жертвы днем и ночью, подъезжали на грузовиках, два-три чекиста вламывались в квартиры и вывозили полуодетых. Зачем одежда приговоренному, если сразу с грузовика их заводили в подвал на Литейном, 4 или Гороховой, 2 и расстреливали? Подвал чем хорош? Ни выстрелов на улице не слышно, ни криков жертв.

«Красный террор» – мероприятие массовое, и руководство бросило на операцию все силы. Попал в том числе и Алексей. Ему назначили старшего – чекиста Дятлова. Они должны были арестовывать по спискам людей и везти на Лубянку. Для выполнения задания дали грузовик с водителем и двух солдат для конвоирования задержанных. И таких мобильных групп было несколько. Алексей исполнял все, что приказывал старший. Заходил с Дятловым в квартиры или дома, старший спрашивал установочные данные – фамилию, имя, отчество, год рождения, род занятий, потом объявлял, что гражданин арестован. Под плач и стенания семьи Алексей выводил арестованного к грузовику, держа в руках оружие, передавал солдатам. Те находились в углах кузова, держали наизготовку винтовки. Испуганные люди бежать не пытались, были испуганы, вины за собой не чувствовали, полагали – в ЧК разберутся, произошла ошибка. Никто не собирался разбираться, жить этим несчастным оставалось несколько часов. Пока Алексей выводил задержанного, Дятлов оставался в квартире или доме задержанного. Зачем – Алексея не интересовало. Предполагал – обыск

делает. Это позже появится ордер на обыск и арест, подписанные прокурором, понятые и прочее. Тогда было одно – революционная необходимость! И ею прикрывалось любое беззаконие. Старые, царские процессуальные нормы отбросили, а новые не создали. Главное – классовое чутье, революционное самосознание, остальное – буржуазная шелуха, не стоящая внимания. О том, что следует арестовать классово чуждый элемент, председатель ВЧК говорил на собрании, но о расстрелах умолчал. И когда Алексей, после недели арестов узнал, что люди расстреляны, для него был шок. Сразу задумался. Не уйти ли из ЧК? У него ни семьи, ни своей квартиры. Одним словом – нет якоря, который держит человека на одном месте. Сжечь мандат, да уехать куда подальше. В царской России паспорта или иные документы были далеко не у всех. При большевиках паспорта стали выдавать только горожанам, да и то через много лет после революции. А деревенские жители получили паспорта в семидесятых годах. Так что отсутствие личного документа никого не удивит, назовись хоть любым именем. Или можно уехать на юг, примкнуть к Белому движению. Конечно, он сейчас сыт, служит в серьезной организации, есть перспективы роста. И до сих пор в казнях не участвовал. Но ведь не зря Дзержинский сказал, что «ЧК – это карающий меч революции». Вот только пользоваться мечом надо умело, карать действительно врагов, а не невиновных, запугивая свой народ.

В царской России с 1825 по 1905 год, за восемьдесят лет было вынесено 625 смертных приговоров, из которых приведено в исполнение сто девяносто один. В пору революционных волнений, с 1905 по 1910 год было судами империи вынесено 5735 смертных приговоров, исполнено 3741, включая приговоры военно-полевых судов, изначально более жестоких, чем гражданские суды. А по внесудебным приговорам ЧК с 1917 по 1922 год было расстреляно от 50 до 140 тысяч человек (по данным разных источников). И после этого большевики называли последнего русского царя Николая II кровавым.

От партии большевиков курировал органы ЧК И. В. Сталин, который понял истинную силу карающего органа. Кстати, после смерти Ленина в январе 1924 года Дзержинский принял сторону Сталина. От репрессий 35–40-х годов само ЧК это не спасло. Сотрудники ЧК, которые организовали отделы, наладили работу, сами были расстреляны. А. Х. Артузов, Г. И. Бокий, М. Я. Лацис, М. С. Кедров, В. Н. Манцев, Г. С. Мороз, И. П. Павлуновский, Я. Х. Петерс, М. А. Трилиссер, И. С. Уншлихт, В. В. Фомин пали в период руководства Ягоды, Ежова, Берии.

Опыта работы у чекистов не было, особенно плохо представляли свою службу следователи. Было указание ЦК партии на работу бывших сотрудников полиции,

тюрем, охранного отделения, судов и прокуратуры не брать, как представителей класса угнетателей рабочих и крестьян. Однако после раздумий Железный Феликс решил побеседовать с Джунковским, бывшим товарищем (заместителем) министра внутренних дел, начальником отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенантом. Как там писал А. С. Пушкин?

«…и вы, мундиры голубые и…». Это он о жандармах, отцом-создателем которых был граф Бенкендорф.

Джунковский заслужил славу человека порядочного и честного. Он один, кто осмелился положить на стол царю докладную записку о похождениях и пьяных разгулах с придворными дамами Гришки Распутина. Скандал замяли, Джунковского перевели на службу в Москву, подальше от царского двора, а практически выслали из столицы. Ныне Джунковский проживал в своем имении в Смоленской губернии. Дзержинский позвонил председателю Смоленского губчека, попросил доставить Джунковского в Москву, в ВЧК.

В Смоленске поступили, как всегда в ЧК. Арестовали и под конвоем двух чекистов поездом привезли в Москву. Надели бы и наручники, если они были.

Долго длилась беседа Дзержинского и Джунковского. Дзержинский умел убеждать, и бывший начальник корпуса жандармов дал согласие на сотрудничество. Было ему в то время 52 года, а Дзержинскому 40 лет. Консультанту дали квартиру на Арбате, хозяина которой расстреляли во время «Красного террора», дали продовольственный паек. Джунковский наладил работу следственного отдела, а еще разработал очень удачную операцию «Трест».

«Красный террор» еще продолжался, а по Москве и другим крупным городам прокатилась волна ограблений и убийств. Занималась уголовщиной вновь созданная милиция. Но уголовники сбивались в крупные, хорошо вооруженные банды, наглеющие с каждым днем. В Москве банда Николая Сафонова по кличке Сабан 24 января 1919 года за одну ночь убила девятнадцать постовых милиционеров. Это уже был вызов всей советской власти, посягательство на ее представителей. Дело по уничтожению банды или аресту ее членов взял под личный контроль Дзержинский.

Опыта борьбы не было, как и внедренных в уголовную среду агентов. Попытки подкупить уголовников, чтобы вывели на банду, закончились фиаско. Мертвым деньги не нужны, а Сабан был жесток и, даже заподозри измену, тут же «поставил бы на нож». Задействованы были все отделы. Фомин предложил организовать засады из сотрудников ЧК. Сабан, не получив за массовое убийство милиционеров, заслуженного ответа, обязательно повторит акцию устрашения. Чекистов распределили по группам, определили места засад, выбрав самые глухие углы. Постовых милиционеров не предупреждали во избежание утечек информации, командиры групп днем осмотрели местность, определили наиболее удобные места засад, вероятные пути подхода банды, ежели она появится. Сотрудники в оружейке получили в дополнение к револьверам «Наган» или пистолетам «Браунинг» мощные «Маузеры» с деревянными кобурами. Кобуры пристегивались к рукояткам, как приклады, получался полуавтоматический карабин. Еще засветло, по одному, сотрудники заняли места, определенные командирами групп. Алексею достался полуподвал с окном. Командир строго предупредил – не курить, до утра не выходить из укрытия, если ничего не произойдет. Алексей днем вздремнул. Было бы позорно уснуть на боевом посту и упустить убийц. В уголовном мире убийц не жаловали, называли мясниками. Там в почете были преступники высокой квалификации, на самой вершине «медвежатники», вскрывавшие сейфы. Таких умельцев по всей России насчитывалось не более десятка. Царской полиции они все были известны. После революции некоторые уехали за границу и причин тому несколько. Главная – перевелись в России богатые люди, а еще – обесценились деньги. Если при империи можно было обменять в банках один рубль за два доллара или ехать с российскими рублями, ибо за границей наша валюта была уважаема, то сейчас Наркомат финансов выпустил эрзац-деньги. Они официально даже деньгами не назывались, а денежными знаками. Номиналом от одного до десяти тысяч, выпускаемые разными типографиями, они имели даже разную окраску. На них изображался герб СССР. Монет не выпускалось, а бумажные денежные знаки обесценивались быстро.

Кроме того, по новым законам, кража ценностей из государственных учреждений каралась сильнее, чем у граждан. Учитывая, что деньги были только у государства, срок можно было получить пожизненный или расстрел. Расстрел даже скорее, ибо дела о саботаже, спекуляции, валюте и кражах государственных средств проходили по ведомству ЧК. А там до 1922 года включительно приговоры выносили внесудебными решениями.

Ниже «медвежатников» в уголовной иерархии стояли карманники, в уголовной среде – щипачи. Ниже их «домушники», а потом «каталы» – картежники. Убийцы

в самом низу. Ограбить и убить ума и навыков много не надо. Пырнул ножом, ударил топором или кастетом. Но после мировой войны, когда с фронта приходили раненые в свои деревни, привозили трофейное оружие. А среди казачества оно было вполне легальным. Во время революции захватывались оружейные склады разными сторонами. И банды не испытывали нехватку оружия и боеприпасов. В Москве обнаглели настолько, что банда Кошелькова остановила «Роллс-ройс» Ленина, обобрала Владимира Ильича, забрала автомобиль. Счастливая случайность, что не узнали и не убили.

Днем Алексей, как и другие чекисты из группы, отсыпались, а вечером поодиночке, чтобы не привлекать внимание, занимали места. У Алексея ключ от полуподвала, где располагалась раньше дворницкая, где хранились метлы, лопаты. Ныне дворников не было, дворницкие по назначению не использовались.

Алексей был доволен своим местом для засады. В подвале не так холодно, как на улице, нет ветра. Другим сотрудникам повезло меньше. Один в проходе между зданиями, там сквозняк постоянный, еще один на крыше у слухового окна полусгоревшего дома.

Неделю провели в ночных бдениях, а банда себя не проявляла.

Единственный подслеповатый фонарь тускло освещал небольшую площадь. Надо было приглядываться, чтобы увидеть и отличить от прохожих милиционера. С ноября 1918 года для милиции ввели отличительные знаки – на красном щите золотой серп и молот перекрещены, щит окружен колосьями белого цвета, внизу надпись – РСФСР, ниже – металлическая планка с выбитым номером постового милиционера. Носился нагрудный знак на левой стороне груди. Точно такой же знак, только размером поменьше, носился спереди на головном уборе.

Вследствие разрухи переодеть милицию, впрочем, как и ЧК, в униформу единого образца не представлялось возможным, сотрудники носили собственную гражданскую одежду. У чекистов зачастую это были кожаная куртка, изъятая на складах, поставленная Антантой для пилотов русской армии. А также кожаная кепка своеобразного пошива. Только в декабре 1920 года у милиции появилась форма – буденовка и обмундирование по армейскому образцу. Однако в армии галифе или гимнастерка защитного цвета, а в милиции серого или синего, это зависело от возможностей промышленности конкретной губернии. Но отличительные знаки остались прежние.

При убийстве милиционеров во всех случаях использовался автомобиль. Бандиты подъезжали к постовому, спрашивали дорогу, якобы заблудились. Постовой подходил, бандиты стреляли почти в упор, наповал. Нашлись свидетели, видевшие машину и слышавшие разговор. В живых остались чудом, потому как бандиты в темноте их не видели. Банда Сабана была очень жестокой, убивали всех – женщин, детей. Как позже оказалось, в банду входили 34 человека, половина из них бывшие офицеры, поэтому дисциплина жесткая. Сабан – выходец из Тамбовской губернии, шесть раз судим по серьезным статьям. Имел подручного по кличке «Капитан». Награбленное прятали в Сокольниках, на съемных квартирах и даче Сабана. Всего награблено бандой было на 4,5 миллиона рублей. Почему главарь решил отстреливать постовых, никто не знал. Постовые, напуганные массовыми убийствами, отказывались дежурить поодиночке, только пикетами по два-три человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/schipach

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити